

П Л А Н   К Н И Г И

"Какова идеология Гитлера и немецко-фашистского командования уничтожения народов в исторической перспективе".

Р а з д е л	А в т о р	С р о к	И с т о ч н и к и
1. Психология садизма	А.Н.Толстой		
2. Конкретные мероприятия немецких захватчиков в уничтожения мирных граждан и военнопленных в исторической перспективе и в отечественную войну.	Д.И.Кудрявцев	15/УП	Материалы Государственной Следственной Комиссии в войну 1914-1917 г.г.
Включение в число военнопленных советского гражданского населения захваченных районов			Материалы Чрезвычайной Государственной Комиссии
3. Формы массового истребления:			
а/лишение минимума средств физиологического состояния:	А.Н.Бурденко.		Материалы Чрезвычайной Государственной Комиссии
холод, голод, физические мучения, моральная травма;	подбор материала.		
б/ убийства.		1/УП	
4. Методы убийства:			
а/ массовые:			т о ж е
сбрасывание в шахты, сожжение, расстрелы, душегубки, отравление ядами.		15/УП	
б/ индивидуальные.			

5.	Описание метода индивидуальных убийств на основе: а/ свидетельских показаний, б/ фотографий, в/ показаний военнопленных, немецких дневников и других документов, характеризующих немецкий метод убийств. г/ материалы расследований в Орле, Смоленске, Воронеже и др.	Н.Н.Бурденко А.С.Гундо-10/УП ров В.Н.Мака-1/УП ров	Материалы Чрезвычайной Государственной Комиссии. Фотодокументы фото ТАСС, фронтовой иллюстрации и кинохроники. Материалы 7-го отдела ЦурРКА Материалы Чрезвычайной Государственной Комиссии.
6.	Обслуживание немецкими врачами медицинской помощью раненых и больных советских военнопленных и выяснение причин смерти их.		Т О Ж Е
7.	Убийство польских офицеров, как исполнение программы Гитлера массового истребления славянских народов.	Н.Н.Бурденко А.С.Гундо-20/УП ров	
8.	Преступления немцев в осенние месяцы 1941г., как исторический факт.	Н.Д.Ярушевич и В.Н.Макаров.	15/УП Материалы Специальной Комиссии и подборка газетных вырезок.
9.	Преступная провокация немцев весной 1943г. и вероятные причины ее.	" " " " "	
10.	Описание истории с демонстрацией немцами катынских могил населению; посещение катынских могил делегацией польских профашистских кругов.	" " " " "	

11.	Джесвидатели и организа- ция аудиторской подготов- ки джесвидателей.	Н.Д. Вруше- вич и В.Н. Мака- ров	15/УП	Материалы Специаль- ной Комис- сии и под- борка га- зетных вы- резок.
12.	Расследование , произве- денное специальной комис- сией Советского Правитель- ства: а/ создание Специальной Комиссии; б/ организация работы Комиссии.	" " "	"	"
13.	Порядок исследования тру- пов польских офицеров: а/ констатирование причин смерти; б/ констатирование спосо- ба и времени умерщвле- ния.	Н.Н. Бурден- ко и су- дебно-меди- цинские эк- сперты: В.Н. Прозоровский, В.Н. Слюзкин- ков, Л.С. Семе- новский.		Материалы Специальной Комиссии.
14.	Результаты обследовани- я черепов - катынских, орловских и смоленских	Н.Н. Бурденко и Л.Р. Смирнов		Т О М О
15.	Установление применения немецкой системы при рас- стреле польских офицеров в Катыни.	" " "	"	"
16.	Отклики иностранной прес- сы на убийство немцами поль- ских офицеров в Катыни.	Р.И. НИКИТИН		Материалы ТАСС.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОМИССИИ

1. О работе по исследованию и установлению метода расстрела немецко-фашистскими захватчиками советских граждан.

[Член Чрезвычайной Государственной Комиссии
академик Бурденко]

1. Считать целесообразным продолжение работ по исследованию и установлению метода расстрела немецко-фашистскими захватчиками советских граждан.
2. Утвердить представленный членом Чрезвычайной Государственной Комиссии академиком Бурденко план работ.
3. Создать редакционную комиссию в составе Членов Чрезвычайной Государственной Комиссии академика Бурденко Н.Н., академика Толстого А.Н., Митрополита Николая, Народного Комиссара просвещения РСФСР Потемкина В.Н. и начальника отдела Секретариата Комиссии Макарова Б.Н. — для издания книги — документов о результатах расследования обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу [близ Смоленска] польских офицеров.
4. Поручить Главному Военно-Санитарному Управлению дать указание военным судебным врачам и патолого-анатомам войсковых соединений участвовать в эксгумации и исследовании трупов расстрелянных советских граждан.
5. Просить Народного Комиссара Внутренних Дел товарища Берия Л.П. и Народного Комиссара Государственной Безопасности товарища Меркулова В.Н. дать распоряжение местным органам собирать материалы [фото, дневники, газеты, акты, протоколы и т.п.] характеризующие немецкий метод расстрела.

5

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОМИССИИ

Товарищу ШВЕРНИКУ Н.М.

По Вашему указанию редакционная комиссия под моим председательством приступила к сбору и подготовке к изданию книги о Катыни, но, к сожалению, составление этого сборника тормозится из-за недостатка работников, которые бы могли непосредственно выполнять эту работу.

Прошу Вашего разрешения привлечь дополнительно Главного судебно-медицинского эксперта Прозоровского, профессоров Выропаева, Смольянинова и Смирнова, полковника м/с Богдасарьяна, судебно-медицинского эксперта Семеновского и из работников Отдела Злодеяний Чрезвычайной Государственной Комиссии.

Для оплаты привлекаемых к работе над книгой прошу отпустить 18-20 тысяч рублей.

Прошу указать, не считаете ли Вы целесообразным заключить договор с Госполитиздатом на издание книги о Катыни.

Академик

Н. Бурденко

Kommunisten zu lesen.
6

THE TRUTH **ABOUT** **KATYN**

Report of Special Commission

for Ascertaining and Investigating
the circumstances of the Shooting
of Polish Officer prisoners by the
German-Fascist invaders in the
Katyn Forest

Issued by "Soviet War News"

Price 2d.

The Truth About Katyn

Report of Special Commission

for Ascertaining and Investigating the Circumstances of the Shooting of Polish Officer Prisoners by the German-Fascist Invaders in the Katyn Forest

THE Special Commission for Ascertaining and Investigating the Circumstances of the Shooting of Polish Officer Prisoners by the German-Fascist Invaders in the Katyn Forest (near Smolensk) was set up on the decision of the Extraordinary State Commission for Ascertaining and Investigating Crimes Committed by the German-Fascist Invaders and Their Associates.

The Commission consists of: Member of the Extraordinary State Commission Academician Burdenko (Chairman of the Commission); member of the Extraordinary State Commission Academician Alexei Tolstoy; member of the Extraordinary State Commission the Metropolitan Nikolai; President of the All-Slav Committee, Lt.-Gen. Dundorov; the Chairman of the Executive Committee of the Union of the Red Cross and Red Crescent Societies, Kolesnikov; People's Commissar of Education of the Russian S.F.S.R. Academician Potemkin; the Chief of the Central Medical Administration of the Red Army, Col.-Gen. Smirnov; the Chairman of the Smolensk Regional Executive Committee, Melnikov. To accomplish the task assigned to it the Commission invited the following medico-legal experts to take part in its work: Chief Medico-Legal Expert of the People's Commissariat of Health Protection of the U.S.S.R., Director of Scientific Research in the Institute of Forensic Medicine Prozorovsky; the Head of the Faculty of Forensic Medicine at the Second Moscow Medical Institute, Doctor of Medicine Smolyaninov; Senior Staff Scientists of the State Scientific Research Institute of Forensic Medicine under the People's Commissariat of Health of the U.S.S.R. Semenovskiy and assistant Professor Shvaikova; Chief Pathologist of the Front, Mayor of Medical Service, Professor Voropayev.

The Special Commission had at its disposal extensive material presented by the member of the Extraordinary State Commission Academician Burdenko, his collaborators, and the medico-legal experts who arrived in Smolensk on September 26, 1943, immediately upon its liberation, and carried out preliminary study and investigation of the circumstances of all the crimes perpetrated by the Germans.

The Special Commission verified and ascertained on the spot that 15 kilometres from Smolensk, along the Vitebsk highway, in the section of the Katyn Forest named "Kozy Gory," 200 metres to the S.W. of the highway in the direction of the Dnieper, there are graves in which Polish war prisoners shot by the German occupationists were buried.

On the order of the Special Commission, and in the presence of all its members and of the medico-legal experts, the graves were excavated. A large number of bodies clad in Polish military uniform were found in the graves. The total number of bodies, as calculated by the medico-legal experts, is 11,000. The medico-legal experts made detailed examinations of the exhumed bodies and of documents and material evidence discovered on the bodies and in the graves.

Simultaneously with the excavation of the graves and examination of the bodies, the Special Commission examined numerous witnesses among local residents, whose testimony establishes with precision the time and circumstances of the crimes committed by the German occupationists.

The testimony of witnesses reveals the following.

THE KATYN FOREST

The Katyn Forest had for long been the favourite resort of Smolensk people, where they used to rest on holidays. The population of the neighbourhood grazed cattle and gathered fuel in the Katyn Forest. Access to the Katyn Forest was not banned or restricted in any way. This situation prevailed in the Katyn Forest up to the outbreak of war. Even in the summer of 1941 there was a Young Pioneers' Camp of the Industrial Insurance Board in this forest, and it was not liquidated until July, 1941.

An entirely different regime was instituted in the Katyn Forest after the capture of Smolensk by the Germans. The forest was heavily patrolled. Notices appeared in many places warning that persons entering without special passes would be shot on the spot.

The part of the Katyn Forest named "Kozy Gory" was guarded particularly strictly, as was the area on the bank of the Dnieper, where 700 metres from the graves of the Polish war prisoners, there was a country house—the rest home of the Smolensk Administration of the Peoples' Commissariat of Internal Affairs. When the Germans arrived this country house was taken over by a German institution named "Headquarters of the 537th Engineering Battalion."

POLISH WAR PRISONERS IN SMOLENSK AREA

The Special Commission established that, before the capture of Smolensk by the Germans, Polish war prisoners, officers and men, worked in the western district of the Region, building and repairing roads. These war prisoners were quartered in three special camps named Camp No. 1 O.N., Camp No. 2 O.N., and Camp No. 3 O.N. These camps were located 25-45 kilometres west of Smolensk.

The testimony of witnesses and documentary evidence establish that after the outbreak of hostilities, in view of the situation that arose, the camps could not be evacuated in time and all the Polish war prisoners, as well as some members of the guard and staffs of the camps, fell prisoner to the Germans.

The former Chief of Camp No. 1 O.N., Major of State Security Vetoshnikov, interrupted by the Special Commission, testified: "I was waiting for the order on the removal of the camp, but communication with Smolensk was cut. Then I myself with several staff members went to Smolensk to clarify the situation. In Smolensk I found a tense situation. I applied to the chief of traffic of the Smolensk section of the Western Railway, Ivanov, asking him to provide the camp with railway cars for evacuation of the Polish war prisoners. But Ivanov answered that I could not count on receiving cars. I also tried to get in touch with Moscow to obtain permission to set out on foot, but I failed. By this time Smolensk was already cut off from the camp by the Germans, and did not know what happened to the Polish war prisoners and guards who remained in the camp."

Engineer Ivanov, who in July 1941 was acting Chief of Traffic of the Smolensk Section of the Western Railway, testified before the Special Commission: "The Administration of Polish War Prisoners' Camps applied to my office for cars for evacuation of the Poles, but we had none to spare. Besides, we could not send cars to the Gussino line, where the majority of the Polish war prisoners were, since that line was already under fire. Therefore, we could not comply with the request of the Camps Administration. Thus the Polish war prisoners remained in the Smolensk Region."

The presence of the Polish war prisoners in the camps in the Smolensk Region is confirmed by the testimony of numerous witnesses who saw these Poles near Smolensk in the early months of the occupation up to September 1941 inclusive.

Witness Maria Alexandrovna Sashneva, elementary schoolteacher in the village of Zenkovo, told the Special Commission that in August 1941 she gave shelter in her house in Zenkovo to a Polish war prisoner who had escaped from camp.

"The Pole wore Polish military uniform, which I recognised at once, as during 1940 and 1941 I used to see groups of Polish war prisoners working on the road under guard . . . I took an interest in the Pole because it turned out that, before being called up, he had been an elementary schoolteacher in Poland. He told me that he had completed normal school in Poland and then studied at some military school and was a Junior Lieutenant of the Reserve. at the outbreak of war between Poland and Germany he was called up and served in Brest-Litovsk, where he was taken prisoner by Red Army units. . . . He spent over a year in the camp near Smolensk.

"When the Germans arrived they seized the Polish camp and instituted a strict regime in it. The Germans did not regard the Poles as human beings. They oppressed and outraged them in every way. On some occasions Poles were shot without any reason at all. He decided to escape. Speaking of himself, he said that his wife too, was a teacher and that he had two brothers and two sisters. . . ."

On leaving next day the Pole gave his name, which Sashneva put down in a book. In this book, "Practical Studies in Natural History," by Yagodovsky, which Sashneva handed to the Special Commission, there is a note on the last page: "Juzeph and Sofia Loek. House 25, Ogorodnaya St., town Zamostye." In the list published by the Germans, under No. 3796 Lt. Juzeph Loek is put down as having been shot at "Kozy Gory" in the Katyn Forest in the spring of 1940. Thus, from the German report, it would appear that Juzeph Loek had been shot one year before the witness Sashneva saw him.

The witness Danilenkov, a peasant of the "Krasnaya Zarya" collective farm of the Katyn Rural Soviet, stated: "In August and September, 1941, when the Germans arrived, I used to meet Poles working on the roads in groups of 15 to 20."

Similar statements were made by the following witnesses: Soldatenkov, former headman of the village of Borok; Kolachev, a Smolensk doctor; Ogloblin, a priest; Sergeyev, track foreman; Smiryagin, engineer; Moskovskaya, resident of Smolensk; Alexeyev, chairman of a collective farm in the village of Borok; Kutseev, waterworks technician; Gorodetsky, a priest; Brazekina, a bookkeeper; Vetrova, a teacher; Savvateyev, stationmaster at the Gnezdovo station, and others.

ROUND-UPS OF POLISH WAR PRISONERS

The presence of Polish war prisoners in the autumn of 1941 in Smolensk districts is also confirmed by the fact that the Germans made numerous round-ups of those war prisoners who had escaped from the camps.

Witness Kartoshkin, a carpenter, testified: "In the autumn of 1941 the Germans not only scoured the forests for Polish war prisoners, but also used police to make night searches in the villages."

Zakharov, former headman of the village of Novye Bateki, testified that in the autumn of 1941, the Germans intensively "combed" the villages and forests in search of Polish war prisoners. Witness Danilenkov a peasant of the Krasnaya Zarya collective farm, testified: "Special round-ups were held in our place to catch Polish war prisoners who had escaped. Some searches took place in my house two or three times. After one such search I asked the headman, Konstantin Sergeyev, whom they were looking for in our village. Sergeyev said that an order had been received from the German Kommandantur according to which searches were to be made in all houses without exception, since Polish war prisoners who had escaped from the camp were hiding in our village. After some time the searches were discontinued."

The witness collective farmer Fatkov testified: "Round-ups and searches for Polish war prisoners took place several times. That was in August and September, 1941. After September, 1941, the round-ups were discontinued and no one saw Polish war prisoners any more."

SHOOTINGS OF POLISH WAR PRISONERS

The above-mentioned "Headquarters of the 537th Engineering Battalion" quartered in the country house at "Kozy Gory" did not engage in any engineering work. Its activities were a closely guarded secret. What this "headquarters" engaged in, in reality, was revealed by numerous witnesses, including Alexeyeva, Mikhailova and Konakhovskaya, residents of the village of Borok of the Katyn Rural Soviet.

On the order of the German Commandant of the Settlement of Katyn, they were detailed by the headman of the village of Borok, Soldatenkov, to serve the personnel of "headquarters" at the above-mentioned country house. On arrival in "Kozy Gory" they were told through an interpreter about a number of restrictions:—

They were absolutely forbidden to go far from the country house or to go to the forest to enter rooms without being called and without being, escorted by German soldiers, to remain in the grounds of the country house at night. They were allowed to come to work and leave after work only by a definite route and only escorted by soldiers. This warning was given to Alexeyeva, Mikhailova and Konakhovskaya, through an interpreter, personally by the Chief of the German Institution, Ober-leutnant Arnes, who for this purpose summoned them one at a time.

As to the personnel of the "headquarters," Alexeyeva testified: "In the 'Kozy Gory' country house there were always about thirty Germans. Their chief was Ober-leutnant Arnes, and his aide was Ober-leutnant Rekst. Here were also a Lieutenant Hott, Sergeant-Major Lumert, N.C.O. in charge of supplies; Rose, his assistant Isikes, Sergeant-Major Grenewski, who was in charge of the power station; the photographer, a corporal whose name I do not remember; the interpreter, a Volga German whose name seems to have been Johann, but I called him Ivan; the cook, a German named Gustav; and a number of others whose names and surnames I do not know."

Soon after beginning their work Alexeyeva, Mikhailova and Konakhovskaya began to notice that "something shady" was going on at the country house.

Alexeyeva testified: "The interpreter warned us several times on behalf of Arnes that we were to hold our tongues and not chatter about what we saw and heard at the country house. Besides, I guessed from a number of signs that the Germans were engaged in some shady doings at this country house. . . . At the close of August and during most of September 1941 several trucks used to come practically every day to the 'Kozy Gory' country house. At first I paid no attention to that, but later I noticed that each time these trucks arrived at the grounds of the country house they stopped for half-an-hour, and sometimes for a whole hour, somewhere on the country road connecting the country house with the highway. I drew this conclusion because some time after these

trucks reached the grounds of the country house the noise they made would cease.

"Simultaneously with the noise stopping, single shots would be heard. The shots followed one another at short but approximately even intervals. Then the shooting would die down and the trucks would drive up right to the country house. German soldiers and N.C.O.s came out of the trucks. Talking noisily they went to wash in the bathhouse, after which they engaged in drunken orgies. On those days a fire was always kept burning in the bathhouse stove.

"On days when the trucks arrived more soldiers from some German military units used to arrive at the country house. Special beds were put up for them in the soldiers' Casino set up in one of the halls of the country house. On those days many meals were cooked in the kitchen and a double ration of drinks was served with the meals. Shortly before the trucks reached the country house armed soldiers went to the forest evidently to the spot where the trucks stopped, because in half an hour or an hour they returned in these trucks, together with the soldiers who lived permanently in the country house.

"Probably I would not have watched or noticed how the noise of the trucks coming to the country house used to die down and then rise again were it not for the fact that whenever the trucks arrived we (Konakhovskaya, Mikhailova and myself) were driven to the kitchen if we happened to be in the courtyard near the house; and they would not let us out of the kitchen if we happened to be in it. There was also the fact that on several occasions I noticed stains of fresh blood on the clothes of two Lance Corporals. All this made me pay close attention to what was going on at the country house.

"Then I noticed strange intervals in the movement of the trucks and their pauses in the forest. I also noticed that bloodstains appeared on the clothes of the same two men—the Lance Corporals. One of them was tall and red-headed, the other of medium height and fair. From all this I inferred that the Germans brought people in the truck to the country house and shot them. I even guessed approximately where this took place as, when coming to and leaving the country house, I noticed freshly thrown-up earth in several places near the road. The area of this freshly thrown-up earth increased every day. In the course of time the earth in these spots began to look normal."

In answer to a question put by the Special Commission—what kind of people were shot in the forest near the country house—Alexeyeva replied that they were Polish war prisoners, and in confirmation of her words stated:

"There were days when no trucks arrived at the country house, but even so soldiers left the house for the forest, whence came frequent single shots. On returning the soldiers always took a bath and then drank.

"Another thing happened. Once I stayed at the country house somewhat later than usual. Mikhailova and Konakhovskaya had already

left. Before I finished the work which had kept me there, a soldier suddenly entered and told me I could go. He referred to Rose's order. He also accompanied me to the highway.

"Standing on the highway 150 or 200 metres from where the road branches off to the country house I saw a group of about 30 Polish war prisoners marching along the highway under heavy German escort. I knew them to be Poles because even before the war, and for some time after the Germans came, I used to meet on the highway Polish war prisoners wearing the same uniform with their characteristic four-cornered hats. I halted near the roadside to see where they were being led, and I saw that they turned towards our country house at 'Kozy Gory'."

"Since by that time I had begun to watch closely everything going on at the country house, I became interested. I went back some distance along the highway, hid in bushes near the roadside, and waited. In some 20 or 30 minutes I heard the familiar single shots. Then everything became clear to me and I hurried home."

"I also concluded that evidently the Germans were shooting Poles not only in the daytime when we worked at the country house, but also at night in our absence. I understood this also from recalling the occasions when all the officers and men who lived in the country house, with the exception of the sentries, woke up late, about noon. On several occasions we guessed about the arrival of the Poles in 'Kozy Gory' from the tense atmosphere that descended on the country house. . . . All the officers left the country house and only a few sentries remained in it, while the Sergeant-Major kept checking up on the sentries over the telephone . . ."

Mikhailova testified: "In September, 1941, shooting was heard very often in the 'Kozy Gory' Forest. At first I took no notice of the trucks, which were closed at the sides and on top and painted green. They used to drive up to our country house always accompanied by N.C.O.'s. Then I noticed that these trucks never entered our garage, and also that they were never unloaded. They used to come very often, especially in September, 1941."

"Among the N.C.O.'s who always sat with the drivers I began to notice one tall one with a pale face and red hair. When these trucks drove up to the country house, all the Germans, as if at a command, went to the bathhouse and bathed for a long time, after which they drank heavily in the country house. Once this tall red-headed German got down from the track, went to the kitchen and asked for water. When he was drinking the water out of a glass I noticed blood on the cuff of the right sleeve of his uniform."

Mikhailova and Konakhovskaya witnessed the shooting of two Polish war prisoners who had evidently escaped from the Germans and been caught. Mikhailova testified: "Once Konakhovskaya and I were at our usual work in the kitchen when we heard a noise near the country house."

On coming out we saw two Polish war prisoners surrounded by German soldiers who were explaining something to N.C.O. Rose. Then Ober-Leutnant Arnes came over to them and told Rose something. We hid some distance away, as we were afraid that Rose would beat us up for being inquisitive.

"We were discovered, however, and at a signal from Rose the mechanic Grenewski drove us into the kitchen and the Poles away from the country house. A few minutes later we heard shots. The German soldiers and N.C.O. Rose, who soon returned, were engaged in animated conversation. Wanting to find out what the Germans had done to the detained Poles, Konakhovskaya and I came out again. Arnes' aide, who came out simultaneously with us from the main entrance of the country house, asked Rose something in German, to which the latter answered, also in German: 'Everything is in order.' We understood these words because the Germans often used them in their conversation. From all that took place I concluded that these two Poles had been shot."

Similar testimony was given by Konakhovskaya. Frightened by the happenings at the country house, Alexeyeva, Mikhailova and Konakhovskaya decided to quit work on some convenient pretext. Taking advantage of the reduction of their "wages" from nine to three marks a month at the beginning of January, 1942, on Mikhailova's suggestion they did not report for work. In the evening of the same day a car came to fetch them, they were brought to the country house and locked up by way of punishment—Mikhailova for eight days and Alexeyeva and Konakhovskaya for three days each. After they had served their terms all of them were sacked.

While working at the country house Alexeyeva, Mikhailova and Konakhovskaya had been afraid to speak to each other about what they had observed of the happenings there. But during their arrest, sitting in the cell at night, they shared their knowledge.

At the interrogation on December 24, 1943, Mikhailova testified: "Here for the first time we talked frankly about the happenings at the country house. I told all I knew. It turned out that Konakhovskaya and Alexeyeva also knew these facts but, like myself, had been afraid to discuss them. I learned from them that it was Polish war prisoners the Germans used to shoot at 'Kozy Gory.' Alexeyeva said that once in the autumn of 1941, when she was going home from work, she saw the Germans driving a large group of Polish war prisoners into 'Kozy Gory' Forest and then she heard shooting."

Similar testimony was given by Alexeyeva and Konakhovskaya. On comparing notes Alexeyeva, Mikhailova and Konakhovskaya arrived at the firm conviction that in August and September, 1941, the Germans had engaged on mass shootings of Polish war prisoners at the country house in "Kozy Gory."

The testimony of Alexeyeva is confirmed by the testimony of her father, Mikhail Alexeyev, whom she told as far back as in the autumn of 1941, during her work at the country house, about her observations of the Germans' activities at the country house. "For a long time she would not tell me anything," Mikhail Alexeyev testified, "only on coming home she complained that she was afraid to work at the country house and did not know how to get away. When I asked her why she was afraid she said that very often shooting was heard in the forest. Once she told me in secret that in 'Kozy Gory' Forest the Germans were shooting Poles. I listened to my daughter and warned her very strictly that she should not tell anyone else about it, as otherwise the Germans would learn and then our whole family would suffer."

That Polish war prisoners used to be brought to "Kozy Gory" in small groups of 20 to 30 men escorted by five to seven German soldiers, was also testified by other witnesses interrogated by the Special Commission: Kisselev, peasant of "Kozy Gory" hamlet; Krivozertsev, carpenter of Krasnyi Bor station in the Katyn Forest; Ivanov, former station master at Gnezдово in the Katyn Forest area; Savvateyev, station master on duty at the same station; Alexeyev, chairman of a collective farm in the village of Borok; Ogloblin, priest of Kuprino Church, and others. These witnesses also heard shots in the forest at "Kozy Gory."

Of especially great importance in ascertaining what took place at "Kozy Gory" country house in the autumn of 1941 is the testimony of Professor of Astronomy Bazilevsky, director of the Smolensk Observatory. In the early days of the occupation of Smolensk by the Germans, Professor Bazilevsky was forcibly appointed by the assistant Burgomaster while to the post of Burgomaster they appointed the lawyer Menshagin, who subsequently left together with them, a traitor who enjoyed the special confidence of the German Command and in particular of the Smolensk Kommandant Von Schwetz.

Early in September, 1941, Bazilevsky addressed to Menshagin a request to solicit the Kommandant Von Schwetz for the liberation of the teacher Zhiglinsky from War Prisoners Camp No. 126. In compliance with this request Menshagin approached Von Schwetz and then informed Bazilevsky that his request could not be granted since, according to Von Schwetz, "instructions had been received from Berlin prescribing that the strictest regime be maintained undeviatingly in regard to war prisoners without any slackening."

"I involuntarily retorted," witness Bazilevsky testified, "'Can anything be stricter than the regime existing in the camp?' Menshagin looked at me in a strange way and bending to my ear, answered in a low voice: 'Yes, there can be! The Russians can at least be left to die off, but as to the Polish war prisoners, the orders say that they are to be simply exterminated.' 'How is that? How should it be understood?' I exclaimed: 'This should be understood literally. There is such a directive

from Berlin,' answered Menshagin, and asked me 'for the sake of all that is Holy,' not to tell anyone about this . . . . .

"About a fortnight after this conversation with Menshagin, when I was again received by him, I could not keep from asking: 'What news about the Poles?' Menshagin hesitated for a little, but then answered: 'Everything is over with them. Von Schwetz told me that they had been shot somewhere near Smolensk.' Seeing my bewilderment Menshagin warned me again about the necessity of keeping this affair in the strictest secrecy and then started 'explaining' to me the Germans' policy in this matter. He told me that the shooting of Poles was one link in the general chain of anti-Polish policy pursued by Germany, which became especially marked in connection with the conclusion of the Russo-Polish Treaty."

Bazilevsky also told the Special Commission about his conversation with the Sonderfuehrer of the 7th Department of the German Kommandant's Office, Hirschfeld, a Baltic German who spoke good Russian:

"With cynical frankness Hirschfeld told me that the harmfulness and inferiority of the Poles had been proved by history and therefore reduction of Poland's population would fertilise the soil and make possible an extension of Germany's living space. In this connection Hirschfeld boasted that absolutely no intellectuals had been left in Poland, as they had all been hanged, shot or confined in camps."

Bazilevsky's testimony is confirmed by the witness Yefimov, Professor of Physics, who has been interrogated by the Special Commission and whom Bazilevsky at that time, in the autumn of 1941, told about his conversation with Menshagin.

Documentary corroboration of Bazilevsky's and Yefimov's testimony is supplied by notes made by Menshagin in his own hand in his notebook. This notebook, containing 17 incomplete pages, was found in the files of the Smolensk Municipal Board after the liberation of Smolensk by the Red Army. Menshagin's ownership of the notebook and his handwriting have been confirmed both by Bazilevsky, who knew Menshagin's hand well, and by expert graphologists.

Judging by the dates in the notebook, its contents relate to the period from early August, 1941, to November of the same year. Among the various notes on economic matters (on firewood, electric power, trade, etc.) there is a number of notes made by Menshagin evidently as a reminder of instructions issued by the German commandant's office in Smolensk. These notes reveal with sufficient clarity the range of problems with which the Municipal Board dealt as the organ fulfilling all the instructions of the German Command.

The first three pages of the notebook lay down in detail the procedure in organising the Jewish "Ghetto" and the system of reprisals to be applied against the Jews.

Page 10, dated August 15, 1941, contains the following note: "All fugitive Polish war prisoners are to be detained and delivered to the

commandant's office." Page 15 (undated) contains the entry: "Are there any rumours among the population concerning the shooting of Polish war prisoners in 'Kozy Gory' (for Umnov)."

It transpires from the first entry, firstly, that on August 15, 1941, Polish war prisoners were still in the Smolensk area and, secondly, that they were being arrested by the German authorities. The second entry indicates that the German Command, worried by the possibility of rumours about the crime it had committed circulating among the civilian population, issued special instructions for the purpose of checking this surmise. Umnov, mentioned in this entry, was the Chief of the Russian Police in Smolensk during the early months of its occupation.

BEGINNING OF GERMAN PROVOCATION

In the winter of 1942-43 the general military situation changed sharply to the disadvantage of the Germans. The military power of the Soviet Union was continually growing stronger. The unity between the U.S.S.R. and her Allies was growing stronger. The Germans resolved to launch a provocation, using for this purpose the crimes they had committed in the Katyn Forest, and ascribing them to the organs of the Soviet authorities. In this way they intended to set the Russians and Poles at loggerheads and to cover up the traces of their own crimes. A priest, Ogloblin, of the village of Kuprino in the Smolensk district, stated:

"After the events at Stalingrad, when the Germans began to feel uncertain, they launched this business. The people started to say that 'the Germans are trying to mend their affairs.' Having embarked on the preparation of the Katyn provocation, the Germans first set about looking for witnesses who would, under the influence of persuasion, bribes or threats, give the testimony which the Germans needed. The attention of the Germans was attracted to the peasant Parfen Gavrilovich Kisselev, born in 1870, who lived in the hamlet nearest to the house in 'Kozy Gory.'"

Kisselev was summoned to the Gestapo at the close of 1942. Under the threat of reprisals, they demanded of him fictitious testimony alleging that he knew that in the spring of 1940 the Bolsheviks shot Polish war prisoners at the country house of the administration of the People's Commissariat for Internal Affairs in "Kozy Gory."

Kisselev informed the Commission: "In the autumn of 1942 two policemen came to my house and ordered me to report to the Gestapo at Gnezdovo station. On that same day I went to the Gestapo, which had its premises in a two-storeyed house next to the railway station. In a room there were a German officer and interpreter. The German officer started asking me through the interpreter how long I had lived in that district, what my occupation and my material circumstances were. I told him that I had lived in the hamlet in the area of 'Kozy Gory' since 1907 and worked on my farm. As to my material circumstances, I said

that I had experienced some difficulties since I was old and my sons were at the war.

"After a brief conversation on this subject, the officer stated that, according to information at the disposal of the Gestapo, in 1940, in the area of 'Kozy Gory' in the Katyn Forest, staff members of the People's Commissariat for Internal Affairs shot Polish officers, and he asked me what testimony I could give on this score. I answered that I had never heard of the People's Commissariat of Internal Affairs shooting people at 'Kozy Gory,' and that anyhow it was impossible, I explained to the officer, since 'Kozy Gory' is an absolutely open and much frequented place, and if shootings had gone on there the entire population of the neighbouring villages would have known.

"The officer told me I must nevertheless give such evidence because he alleged the shootings did take place. I was promised a big reward for this testimony. I told the officer again that I did not know anything about shootings, and that nothing of the sort could have taken place in our locality before the war. In spite of this the officer obstinately insisted on my giving false evidence.

"After the first conversation about which I have already spoken, I was summoned again to the Gestapo in February, 1943. By that time I knew that other residents of neighbouring villages had also been summoned to the Gestapo and that the same testimony they demanded of me had also been demanded of them.

"At the Gestapo the same officer and interpreter who had interrogated me the first time again demanded of me evidence that I had witnessed the shooting of Polish officers, allegedly effected by the People's Commissariat for Internal Affairs in 1940. I again told the Gestapo officer that this was a lie, as before the war I had not heard anything about any shootings, and that I would not give false evidence. The interpreter, however, would not listen to me, but took a handwritten document from the desk and read it to me. It said that I. Kisselev, resident of a hamlet in the 'Kozy Gory' area, personally witnessed the shooting of Polish officers by staff members of the People's Commissariat for Internal Affairs in 1940.

"Having read this document, the interpreter told me to sign it. I refused to do so. The interpreter began to force me to do it by abuse and threats. Finally he shouted: 'Either you sign it at once or we shall destroy you. Make your choice!'

"Frightened by these threats, I signed the document and thought that would be the end of the matter."

Later, after the Germans had arranged visits to the Katyn graves by various "delegations," Kisselev was made to speak before a "Polish delegation" which arrived there. Kisselev forgot the contents of the protocol he had signed at the Gestapo, got mixed up, and finally refused to speak. The Gestapo then arrested Kisselev, and, by ruthless beatings, in the course of six weeks again obtained his consent to "public speeches."

In this connection Kisselev stated: "In reality things went quite a different way. In spring, 1943, the Germans announced that in the "Kozy Gory" area in Katyn Forest they had discovered the graves of Polish officers allegedly shot in 1940 by organs of the People's Commissariat for Internal Affairs. Soon after that the Gestapo interpreter came to my house and took me to the forest in the "Kozy Gory" area.

"When we had left the house and were alone together, the interpreter warned me that I must tell the people present in the forest everything exactly as it was written down in the document I had signed at the Gestapo.

"When I came into the forest I saw open graves and a group of strangers. The interpreter told me that these were 'Polish delegates' who had arrived to inspect the graves. When we approached the graves the 'delegates' started asking me various questions in Russian in connection with the shooting of Poles, but as more than a month had passed since I had been summoned to the Gestapo I forgot everything that was in the document I had signed, got mixed up, and finally said I did not know anything about the shooting of Polish officers.

"The German officer got very angry. The interpreter roughly dragged me away from the 'delegation' and chased me off. Next morning a car with a Gestapo officer drove up to my house. He found me in the yard, told me that I was under arrest, put me into the car and took me to Smolensk Prison.

"After my arrest I was interrogated many times, but they beat me more than they questioned me. The first time they summoned me they beat me up heavily and abused me, complaining that I had let them down, and then sent me back to the cell. During the next summons they told me I must state publicly that I had witnessed the shooting of Polish officers by the Bolsheviks, and that until the Gestapo was satisfied I would do this in good faith I would not be released from prison. I told the officer that I would rather sit in prison than tell people lies to their faces. After that I was badly beaten up.

"There were several such interrogations accompanied by beatings, and as a result I lost all my strength, my hearing became poor and I could not move my right arm. About one month after my arrest a German officer summoned me and said: 'You see the consequences of your obstinacy, Kisselev. We have decided to execute you. In the morning we shall take you to Katyn Forest and hang you.' I asked the officer not to do this, and started pleading with him that I was not fit for the part of 'eye-witness' of the shooting as I did not know how to tell lies and therefore I would mix everything up again.

"The officer continued to insist. Several minutes later soldiers came into the room and started beating me with rubber clubs. Being unable to stand the beatings and torture, I agreed to appear publicly with

a fallacious tale about shooting of Poles by Bolsheviks. After that I was released from prison on condition that on the first demand of the Germans I would speak before 'delegations' in Katyn Forest.

"On every occasion, before leading me to the graves in the forest, the interpreter used to come to my house, call me out into the yard, take me aside to make sure that no one would hear, and for half an hour make me memorise by heart everything I would have to say about the alleged shooting of Polish officers by the People's Commissariat for Internal Affairs in 1940.

"I recall that the interpreter told me something like this: 'I live in a cottage in 'Kozy Gory' area not far from the country house of the People's Commissariat for Internal Affairs. In spring 1940 I saw Poles taken on various nights to the forest and shot there.' And then it was imperative that I must state literally that "this was the doing of the People's Commissariat for Internal Affairs." After I had memorised what the interpreter told me, he would take me to the open graves in the forest and compel me to repeat all this in the presence of 'delegations' which came there.

"My statements were strictly supervised and directed by the Gestapo interpreter. Once when I spoke before some 'delegation' I was asked the question: 'Did you see these Poles personally before they were shot by the Bolsheviks?' I was not prepared for such a question and answered the way it was in fact, i.e., that I saw Polish war prisoners before the war, as they worked on the roads. Then the interpreter roughly dragged me aside and drove me home.

"Please believe me when I say that all the time I felt pangs of conscience, as I knew that in reality the Polish officers had been shot by the Germans in 1941. I had no other choice, as I was constantly threatened with the repetition of my arrest and torture."

Kisselev's testimony regarding his summons to the Gestapo, subsequent arrest and beatings are confirmed by his wife Aksinya Kisseleva, born 1870, his son Vassily Kisselev, born 1911, and his daughter-in-law Mariya Kisseleva, born 1918, who live with him, as well as by track foreman Timofey Sergeyev, born 1901, who rents a room in Kisselev's hamlet. The injuries caused to Kisselev at the Gestapo (injury of shoulder, considerable impairment of hearing) are confirmed by a protocol of medical examination.

In their search for "witnesses" the Germans subsequently became interested in railway workers at the Gnezdovo station, two and half kilometres from "Kozy Gory," the station at which the Polish prisoners arrived in spring 1940. The Germans evidently wanted to obtain corresponding testimony from the railwaymen. For this purpose, in spring 1943, the Germans summoned to the Gestapo the ex-stationmaster of Gnezdovo station, Ivanov, the stationmaster on duty, Savvateyev, and others.

Ivanov, born in 1882, gave the following account of the circumstances in which he was summoned to the Gestapo: "It was in March 1943. I was interrogated by a German officer in the presence of an interpreter. Having asked me through the interpreter who I was and what post I held at Gnezdovo station before the occupation of the district by the Germans, the officer inquired whether I knew that in spring 1940 large parties of captured Polish officers had arrived at Gnezdovo station in several trains. I said that I knew about this. The officer then asked me whether I knew that in the same spring 1940, soon after the arrival of the Polish officers, the Bolsheviks had shot them all in the Katyn Forest. I answered that I did not know anything about that, and that it could not be so, as in the course of 1940-41, up to the occupation of Smolensk by the Germans, I had met captured Polish officers who had arrived in spring 1940 at Gnezdovo station, and who were engaged in road construction work.

"The officer told me that if a German officer said the Poles had been shot by the Bolsheviks it meant that this was the fact. 'Therefore,' the officer continued, 'you need not fear anything, and you can sign with a clear conscience a protocol saying that the captured Polish officers were shot by the Bolsheviks and that you witnessed it.'

"I replied that I was already an old man, that I was 61 years old, and did not want to commit a sin in my old age. I could only testify that the captured Poles really arrived at Gnezdovo station in spring 1940. The German officer began to persuade me to give the required testimony promising that if I agreed he would promote me from the position of watchman on a railway crossing to that of stationmaster of Gnezdovo station, which I had held under the Soviet Government, and also to provide for my material needs.

"The interpreter emphasised that my testimony as a former railway official at Gnezdovo station, the nearest station to Katyn Forest, was extremely important for the German Command, and that I would not regret it if I gave such testimony. I understood that I had landed in an extremely difficult situation, and that a sad fate awaited me. However, I again refused to give false testimony to the German officer. He started shouting at me, threatened me with beating and shooting, and said I did not understand what was good for me. However, I stood my ground. The interpreter then drew up a short protocol in German on one page, and gave me a free translation of its contents. This protocol recorded, as the interpreter told me, only the fact of the arrival of the Polish war prisoners at Gnezdovo station. When I asked that my testimony be recorded not only in German but also in Russian, the officer finally went beside himself with fury, beat me up with a rubber club and drove me off the premises. . . ."

Savvateyev, born in 1880, stated: "In the Gestapo I testified that in spring 1940 Polish war prisoners arrived at the station of Gnezdovo in

several trains and proceeded further in trucks, and I did not know where they went. I also added that I repeatedly met these Poles later on the Moscow-Minsk highway, where they were working on repairs in small groups. The officer told me I was mixing things up, that I could not have met the Poles on the highway, as they had been shot by the Bolsheviks, and demanded that I testify to this.

"I refused. After threatening and cajoling me for a long time, the officer consulted with the interpreter about something in German, and then the interpreter wrote a short protocol and gave it to me to sign. He explained that it was a record of my testimony. I asked the interpreter to let me read the protocol myself, but he interrupted me with abuse, ordering me to sign it immediately and get out. I hesitated a minute. The interpreter seized a rubber club hanging on the wall and made to strike me. After that I signed the protocol shoved at me. The interpreter told me to get out and go home, and not to talk to anyone or I would be shot. . . ."

The search for "witnesses" was not limited to the above-mentioned persons. The Germans strove persistently to locate former employees of the People's Commissariat for Internal Affairs and extort from them the false testimony which the Germans needed.

Having chanced to arrest Ignatyuk, formerly a labourer in the garage of the Smolensk Regional Administration of the People's Commissariat of Internal Affairs, the Germans stubbornly, by threats and beatings, tried to extort from him testimony that he had been a car driver and not merely a labourer in the garage, and had himself driven Polish war prisoners to the shooting site.

Ignatyuk, born in 1903, testified in this connection: "When I was examined for the first time by Chief of Police Alferchik, he accused me of agitating against the German authorities, and asked what work I had done for the People's Commissariat of Internal Affairs. I replied that I had worked in the garage of the Smolensk Regional Administration of the People's Commissariat of Internal Affairs as a labourer. At this examination Alferchik tried to get me to testify that I had worked as a car driver and not as a labourer. Alferchik was greatly irritated by his failure to obtain the required testimony from me, and he and his aide, whom he called George, tied up my head and mouth with some rag, removed my trousers, laid me on a table and began to beat me with rubber clubs.

"After that I was summoned again for examination, and Alferchik demanded that I give him false testimony to the effect that the Polish officers had been shot in Katyn Forest by organs of the People's Commissariat of Internal Affairs in 1940, of which I allegedly was aware, as a chauffeur who had taken part in driving the Polish officers to Katyn Forest, and who had been present at their shooting. Alferchik promised

to liberate me from prison if I would agree to give such testimony, and get me a job with the police where I would be given good living conditions—otherwise they would shoot me . . . .

“The last time I was interrogated in the police station by examiner Alexandrov, who demanded from me the same false testimony about the shooting of the Polish officers as Alferchik, but at this examination, too, I refused to give false evidence. After this examination I was again beaten up and sent to the Gestapo . . . . In the Gestapo, just as at the police station, they demanded from me false evidence about the shooting of the Polish officers in Katyn Forest in 1940 by Soviet authorities, of which I as car driver was allegedly aware.”

A book published by the German Ministry of Foreign Affairs, and containing material about the “Katyn Affair” fabricated by the Germans, refers to other “witnesses” besides the above-mentioned Kisselev: Godesov (alias Godunov) born in 1877, Grigori Silversov, born in 1891, Ivan Andreyev, born in 1917, Mikhail Zhigulev, born in 1915, Ivan Krivozertsev, born in 1915, and Matvey Zakharov, born in 1893.

A check-up revealed that the first two of the above persons (Godesov and Silversov) died in 1943 before the liberation of the Smolensk Region by the Red Army; the next three (Andreyev, Zhigulev and Krivozertsev) left with the Germans, or perhaps were forcibly abducted by them, while the last—Matvey Zakharov—formerly a coupler at Smolensk Station, who worked under the Germans as headman in the village Novye Bateki, was located and examined by the Special Commission.

Zakharov related how the Germans got from him the false testimony they needed about the “Katyn affair”: “Early in March, 1943, an employee of the Gnezdovo Gestapo whose name I do not know came to my house and told me that an officer wanted to see me. When I arrived at the Gestapo a German officer told me through an interpreter: ‘We know you worked as coupler at Smolensk Central Station and you must testify that in 1940 cars with Polish war prisoners passed through Smolensk on the way to Gnezdovo, after which the Poles were shot in the forest at ‘Kozy Gory.’’ In reply I stated that in 1940 cars with Poles did pass Smolensk westwards, but I did not know what their destination was.

“The officer told me that if I did not want to testify of my own accord he would force me to do so. After saying this he took a rubber club and began to beat me up. Then I was laid on a bench and the officer, together with the interpreter, beat me. I do not remember how many strokes I had, because I soon fainted.

“When I came to, the officer demanded that I sign a protocol of the examination. I had lost courage as a result of the beating and threats of shooting, so I gave false evidence and signed the protocol. After I had signed the protocol I was released from the Gestapo.

“Several days after I had been summoned to the Gestapo, approximately in mid-March, 1943, the interpreter came to my house and said I

must go to the German general and confirm my testimony in his presence. The general asked me whether I confirmed my testimony. I said I did confirm it, as on the way I had been warned by the interpreter that if I refused to confirm the testimony I would have a much worse experience than I had on my first visit to the Gestapo.

“Fearing a repetition of the torture, I replied that I confirmed my testimony. Then the interpreter ordered me to raise my right hand, and told me I had taken an oath and could go home.

It has been established that in other cases also the Germans used persuasion, threats and torture in trying to obtain the testimony they needed, for example, from Kaverznev, former deputy chief of the Smolensk Prison, and Kovalev, former staff member of the same prison. Since the search for the required number of witnesses failed to yield any success, the Germans posted up in Smolensk city and neighbouring villages the following handbill, an original of which is on the files of the Special Commission:

“Notice to the population. Who can give information concerning the mass murder of prisoners, Polish officers and priests by the Bolsheviks in the forest of ‘Kozy Gory’ near the Gnezdovo-Katyn highway in 1940? Who saw columns of trucks on their way from Gnezdovo to ‘Kozy Gory,’ or who saw or heard the shootings? Who knows residents who can tell about this? Rewards will be given for any information. Information to be sent to Smolensk, German Police Station, No. 6, Muzeinaya Street, and in Gnezdovo to the German Police Station, house No. 105 near the railway station. Foss, Lieutenant of Field Force, May 3, 1943.”

A similar notice was printed in the newspaper “Novy Put,” published by the Germans in Smolensk—No. 35 (157) for May 6, 1943.

The fact that the Germans promised rewards for the evidence they needed on the “Katyn affair” was confirmed by witnesses called by the Special Commission: Sokolova, Pushchina, Bychkov, Tondarev, Ustinov and many other residents of Smolensk.

PREPARING KATYN GRAVES

Along with the search for “witnesses” the Germans proceeded with the preparation of the graves in Katyn Forest: they removed from the clothing of the Polish prisoners whom they had killed all documents dated later than April, 1940—that is, the time when, according to the German provocation version, the Poles were shot by the Bolsheviks—and removed all material evidence which could disprove this provocation version. In its investigation the Special Commission revealed that for this purpose the Germans used up to 500 Russian war prisoners specially selected from war prisoners’ camp No. 126.

The Special Commission has at its disposal numerous statements of witnesses on this matter. The evidence of the medical personnel of the above-mentioned camp merits special attention. Dr. Chizhov, who worked in camp No. 126 during the German occupation of Smolensk, testified:

"Just about the beginning of March 1943 several groups of the physically stronger war prisoners, totalling about 500, were sent from the Smolensk Camp No. 126 ostensibly for trench work. None of these prisoners ever returned to the camp."

Dr. Khmurov, who worked in the same camp under the Germans, testified:

"I know that somewhere about the second half of February or the beginning of March, 1943, about 500 Red Army men prisoners were sent from our camp to a destination unknown to me. The prisoners were apparently to be used for trench digging, for the more physically fit men were selected."

Identical evidence was given by medical nurse Lenkovskaya, medical nurse Timofeyeva, and witnesses Orlova, Dobroserdova and Kochetkov.

The testimony of Moskovskaya made it clear where the 500 war prisoners from Camp 126 were actually sent. On October 5, 1943, the citizen Moskovskaya, Alexandra Mikhailovna, who lived on the outskirts of Smolensk and had worked during the occupation in the kitchen of a German military unit, filed an application to the Extraordinary Committee for the Investigation of Atrocities Perpetuated by the German invaders, requesting them to summon her to give important evidence. She told the Special Commission that before leaving for work in March, 1943, when she went to fetch firewood from her shed in the yard on the banks of the Dnieper, she discovered there an unknown person who proved to be a Russian war prisoner.

Moskovakaya, who was born in 1922, testified:

"From conversation with him I learned that his name was Nikolai Yegorov, a native of Leningrad. Since the end of 1941 he had been in the German camp No. 126 for war prisoners in the town of Smolensk. At the beginning of March 1943, he was sent with a column of several hundred war prisoners from the camp to Katyn Forest. There they, including Yegorov, were compelled to dig up graves containing bodies in the uniforms of Polish officers, drag these bodies out of the graves and take out of their pockets documents, letters, photographs and all other articles.

"The Germans gave the strictest orders that nothing be left in the pockets on the bodies. Two war prisoners were shot because after they had searched some of the bodies, a German officer discovered some papers on these bodies. Articles, documents and letters extracted from the clothing on the bodies were examined by the German officers, who then compelled the prisoners to put part of the papers back into the pockets on the bodies, while the rest was flung on a heap of articles and documents they had extracted, and later burned.

"Besides this, the Germans made the prisoners put into the pockets of the Polish officers some papers which they took from the cases or suitcases (I don't remember exactly) which they had brought along.

All the war prisoners lived in Katyn Forest in dreadful conditions under the open sky, and were extremely strongly guarded. . . . At the beginning of April 1943, all the work planned by the Germans was apparently completed, as for three days not one of the war prisoners had to do any work.

"Suddenly at night all of them without exception were awakened and led somewhere. The guard was strengthened. Yegorov sensed something was wrong and began to watch very closely everything that was happening. They marched for three or four hours in an unknown direction. They stopped in the forest at a pit in a clearing. He saw how a group of war prisoners were separated from the rest and driven towards the pit and then shot. The war prisoners grew agitated, restless and noisy. Not far from Yegorov several war prisoners attacked the guards. Other guards ran towards the place. Yegorov took advantage of the confusion and ran away into the dark forest, hearing shouts and firing.

"After hearing this terrible story, which is engraved on my memory for the rest of my life, I became very sorry for Yegorov, and told him to come to my room, get warm and hide at my place until he had regained his strength. But Yegorov refused. . . . He said no matter what happened he was going away that very night, and intended to try to get through the front line to the Red Army. In the morning, when I went to make sure whether Yegorov had gone; he was still in the shed. It appeared that in the night he had attempted to set out, but had only taken about 50 steps when he felt so weak that he was forced to return. This exhaustion was caused by the long imprisonment at the camp and the starvation of the last days. We decided he should remain at my place several days longer to regain his strength. After feeding Yegorov I went to work. When I returned home in the evening my neighbours Baranova, Mariya Ivanovna, Kabanovskaya, Yekaterina Viktorovna told me that in the afternoon, during a search by the German police, the Red Army war prisoner had been found, and taken away."

As a result of the discovery of the war prisoner Yegorov in the shed, Moskovskaya was called to the Gestapo, where she was accused of hiding a war prisoner. At the Gestapo interrogation Moskovskaya stoutly denied that she had any connection with this war prisoner, maintaining she knew nothing about his presence in her shed. Since they got no admission from Moskovskaya, and also because the war prisoner Yegorov evidently had not incriminated Moskovskaya, she was let out of the Gestapo.

This same Yegorov told Moskovskaya that as well as excavating bodies in Katyn Forest, the war prisoners were used to bring bodies to the Katyn Forest from other places.

The bodies so brought were thrown into pits along with the bodies that had been dug up earlier. The fact that a great number of bodies of people shot by the Germans in other places were brought to the Katyn

graves is confirmed also by the testimony of engineer mechanic K. S. Sukhachev, born in 1912, an engineer mechanic of the "Rosglavkhleb" combine, who worked under the Germans as a mechanic in the Smolensk city mill. On October 8, 1943, he filed a request that he be called to testify. Called before the Special Commission, he stated:—

"I was working at the mill in the second half of March, 1943. There I spoke to a German chauffeur who spoke a little Russian, and since he was carrying flour to Savenki village for the troops, and was returning on the next day to Smolensk, I asked him to take me along so that I could buy some fats in the village. My idea was that making the trip in a German truck would get over the risk of being held up at the control stations. The German agreed to take me, at a price.

"On the same day at 10 p.m. we drove on to the Smolensk-Vitebsk highway, just myself and the German driver in the machine. The night was light, and only a low mist over the road reduced the visibility. Approximately 22 or 23 kilometres from Smolensk at a demolished bridge on the highway there is a rather deep descent at the by-pass. We began to go down from the highway, when suddenly a truck appeared out of the fog coming towards us. Either because our brakes were out of order, or because the driver was inexperienced, we were unable to bring our truck to a halt, and since the passage was quite narrow we collided with the truck coming towards us. The impact was not very violent, as the driver of the other truck swerved to the side, as a result of which the trucks bumped and slid alongside each other.

"The right wheel of the other truck, however, landed in the ditch, and the truck fell over on the slope. Our truck remained upright. The driver and I immediately jumped out of the cabin and ran up to the truck which had fallen down. We were met by a heavy stench of putrefying flesh coming evidently from the truck."

"On coming nearer, I saw that the truck was carrying a load covered with a tarpaulin and tied up with ropes. The ropes had snapped with the impact, and part of the load had fallen out on the slope. This was a horrible load—human bodies dressed in military uniforms. As far as I can remember there were some six or seven men near the truck: one German driver, two Germans armed with tommy-guns—the rest were Russian war prisoners, as they spoke Russian and were dressed accordingly.

"The Germans began to abuse my driver and then made some attempts to right the truck. In about two minutes time two more trucks drove up to the place of the accident and pulled up. A group of Germans and Russian war prisoners, about ten men in all, came up to us from these trucks. . . . By joint efforts we began to raise the truck. Taking advantage of an opportune moment I asked one of the Russian war prisoners in a low voice: 'What is it?' He answered very quietly: 'For many nights already we have been carrying bodies to Katyn Forest.'

"Before the overturned truck had been raised a German N.C.O. came up to me and my driver and ordered us to proceed immediately. As no serious damage had been done to our truck the driver steered it a little to one side and got on to the highway, and we went on. When we were passing the two covered trucks which had come up later I again smelled the horrible stench of dead bodies."

Sukhachev's testimony is confirmed by that of Vladimir Afanasievich Yegorov, who served as policeman in the Police Station during the occupation. Yegorov testified that when owing to the nature of his duties he was guarding a bridge at a crossing of the Moscow-Minsk and Smolensk-Vitebsk highways at the end of March and early in April, 1943, he saw going towards Smolensk on several nights big trucks covered with tarpaulins and spreading a heavy stench of dead flesh. Several men, some of whom were armed and were undoubtedly Germans, sat in the driver's cabin of each truck, and behind.

Yegorov reported his observations to Kuzma Demyanovich Golovney, Chief of the Police Station in the village of Arkhipovka, who advised him to "hold his tongue" and added: "This does not concern us. We have no business to be mixing in German affairs."

That the Germans were carrying bodies on trucks to the Katyn Forest is testified by Frol Maximovich Yalovlev-Sokolov (born in 1896), a former agent for restaurant supplies in the Smolensk Restaurant Trust and, under the Germans, Chief of Police of Katyn. He stated that once, early in April, 1943, he himself saw four tarpaulin-covered trucks passing along the highway to Katyn Forest. Several men armed with tommy-guns and rifles rode in them. An acrid stench of flesh came from these trucks.

From the above testimony it can be concluded with all clarity that the Germans shot Poles in other places too. In bringing their bodies to the Katyn Forest they pursued a triple object: firstly to destroy the traces of their own crimes, secondly to ascribe their own crimes to the Soviet Government, thirdly to increase the number of "victims of Bolshevism" in the Katyn Forest graves.

EXCURSIONS TO THE KATYN GRAVES

In April, 1943, having finished all the preparatory work at the graves in Katyn Forest, the German occupationists began a wide campaign in the Press and over the radio in an attempt to ascribe to the Soviet Power atrocities they themselves had committed against Polish war prisoners. As one method of provocative agitation, the Germans arranged visits to the Katyn graves by residents of Smolensk and its suburbs as well as "delegations" from countries occupied by the German invaders or their vassals. The Special Commission questioned a number of delegates who took part in the "excursions" to the Katyn graves.

Zhukov, a doctor specialising in pathological anatomy who worked as Medico-Legal Expert in Smolensk, testified before the Special Commission: "The clothing of the bodies, particularly the greatcoats, boots and belts,

were in a good state of preservation. The metal parts of the clothing—belt buckles, button hooks and spikes on shoe soles, etc.—were not heavily rusted, and in some cases the metal still retained its polish. Sections of the skin of the bodies which could be seen—faces, necks, arms—were chiefly a dirty green colour, and in some cases dirty brown, but there was no complete disintegration of the tissues, no putrefaction. In some cases bared tendons of whitish colour and parts of muscles could be seen.

“While I was at the excavations people were at work sorting and extracting bodies at the bottom of a big pit. For this purpose they used spades and other tools, and also took hold of bodies with their hands and dragged them from place to place by the arms, the legs or the clothing. I did not see a single case of bodies falling apart or of any member being torn off.

“Considering all the above, I arrived at the conclusion that the bodies had remained in the earth not three years, as the Germans affirmed, but much less. Knowing that in mass graves, and especially without coffins, putrefaction of bodies progresses more quickly than in single graves, I concluded that the mass shooting of the Poles had taken place about a year and a-half ago, and could have occurred in autumn 1941 or in spring, 1942. As a result of my visit to the excavation site I became firmly convinced that a monstrous crime had been committed by the Germans.”

Testimony to the effect that the clothing of the bodies, its metal parts, shoes and even the bodies themselves were well preserved was given by numerous witnesses who took part in “excursions” to the Katyn graves and who were questioned by the Special Commission. These witnesses include the manager of the Smolensk Water Supply System, Kitzev; a Katyn school teacher, Vetrova; a telephone operator of Smolensk Communications Bureau, Shchedrova; a resident of the village of Borok, Alexeyev; a resident of the village of Novye Bateki, Krivozertsev; the stationmaster on duty at Gnezdovo station, Savvateyev; a citizen of Smolensk, Pushchina; a doctor at the Second Smolensk Hospital, Sidoruk; Kesserev, a doctor at the same hospital.

GERMANS ATTEMPT TO COVER UP TRACES OF THEIR CRIMES

The “excursions” organised by the Germans failed to achieve their aim. All who visited the graves saw for themselves that they were confronted with the crudest and most obvious German-Fascist frame-up. The German authorities accordingly took steps to make the doubters keep quiet. The Special Commission heard the testimony of a great number of witnesses who related how the German authorities persecuted those who doubted or disbelieved the provocation. These doubters were discharged from work, arrested, threatened with shooting.

The Commission established that in two cases people were shot for failure to “hold their tongues.” Such reprisals were taken against the former German policeman Zagainev, and against Yegorov, who worked

on the excavation of graves in Katyn Forest. Testimony about the persecution of people who expressed doubt after visiting the graves in Katyn Forest was given by Zubareva, a woman cleaner employed by Drug Store No. 1 in Smolensk; Kozlova, assistant sanitation doctor of Stalin District Health Department in Smolensk, and others.

Yakovlev-Sokolov, former Chief of Police of Katyn area, testified: “A situation arose which caused serious alarm in the German Commandant’s Office, and police organs in the periphery were given urgent instructions to nip in the bud all harmful talk at any price, and arrest all persons who expressed disbelief in the ‘Katyn affair.’ I myself, as chief of the area police, was given instructions to this effect at the end of May 1943 by the German commandant of the village of Katyn, Oberleutnant Braung, and at the beginning of June by the chief of Smolensk District Police. Kamensky.

“I called an instructional conference of the police in my area, at which I ordered the police to detain and bring to the police station anyone who expressed disbelief or doubted the truth of German reports about the shooting of Polish war prisoners by the Bolsheviks. In fulfilling these instructions of the German authorities I clearly acted against my conscience, as I myself was certain that the ‘Katyn affair’ was a German frame-up. I became finally convinced of that when I myself made an ‘excursion’ to Katyn Forest.”

Seeing that the summer 1943 “excursions” of the local population to the Katyn graves did not achieve their purpose, the German occupation authorities ordered the graves to be filled in. Before their retreat from Smolensk they began hastily to cover up the traces of their crimes. The country house occupied by the “H.Q. of the 537th Building Battalion” was burned to the ground.

The Germans searched for the three girls—Alexeyeva, Mikhailova and Konakhovskaya—in the village of Borok in order to take them away and perhaps to kill them. They also searched for their main “witness,” Kisselev, who together with his family had succeeded in hiding. The Germans burned down his house. They endeavoured to seize other “witnesses” too—the former stationmaster of Gnezdovo, Ivanov, and the former acting stationmaster of the same station, Savvateyev, as well as the former coupler at the Smolensk station, Zakharov.

During the very last days before their retreat from Smolensk, the German-Fascist occupationists looked for Professors Bazilevsky and Yefimov. Both succeeded in evading deportation or death only because they had escaped in good time. Nevertheless, the German-Fascist invaders did not succeed in covering up the traces of or concealing their crime.

Examination by medico-legal experts of the exhumed bodies proved irrefutably that the Polish war prisoners were shot by the Germans themselves. The protocol of the Medico-Legal Experts’ Investigation follows.

PROTOCOL OF THE MEDICO-LEGAL EXPERTS' INVESTIGATION

In accordance with the instructions of the Special Commission for ascertaining and investigating the circumstances of the shooting of Polish officer prisoners by the German-Fascist invaders in Katyn Forest (near Smolensk), a Commission of Medico-Legal Experts was set up consisting of Prozorovsky, Chief Medico-Legal Expert of the People's Commissariat of Health Protection of the U.S.S.R. and Director of the State Scientific Research Institute of Forensic Medicine; Doctor of Medicine Smolyaninov, Professor of Forensic Medicine at the Second Moscow State Medical Institute; Doctor of Medicine Voropayev, Professor of Pathological Anatomy; Doctor Semenovskiy, senior staff scientist of the Thanatology Department of the State Scientific Research Institute of Forensic Medicine under the People's Commissariat of Health Protection of the U.S.S.R.; Assistant Professor Shvaikova, senior staff scientist of the Chemico-Legal Department of the State Scientific Research Institute of Forensic Medicine under the People's Commissariat of Health Protection of the U.S.S.R.; with the participation of Major of Medical Service Nikolsky, Chief Medico-Legal Expert of the Western Front; Captain of Medical Service Bussoyedov, Medico-Legal Expert of the X. Army; Major of Medical Service, Subbotin, Chief of Pathological Anatomy Laboratory No. 92; Major of Medical Service Ogloblin, Senior Lieutenant of Medical Service Sadykov, medical specialist; Senior Lieutenant of Medical Service Pushkareva.

During the period between January 16 and January 23, 1944, these medico-legal experts conducted exhumation and medico-legal examination of the bodies of Polish war prisoners buried in graves on the territory of "Kozy Gory" in Katyn Forest 15 kms. from Smolensk. The bodies of Polish war prisoners were buried in a common grave about 60 by 60 by three metres in dimension, and also in another grave about seven by six by three and a half metres. Nine hundred and twenty-five bodies were exhumed from the graves and examined. The exhumation and medico-legal examination of the bodies were effected in order to establish: (a) identity of the dead; (b) causes of death; (c) time of burial.

Circumstances of the case: See materials of the Special Commission. Objective evidence: See the protocols of the medico-legal examination of the bodies.

CONCLUSION OF MEDICO-LEGAL EXPERTS

On the basis of the results of the medico-legal examination of the bodies, the commission of medico-legal experts arrived at the following conclusion:

Upon the opening of the graves and exhumations of bodies from them, it was established that:

(a) Among the mass of bodies of Polish war prisoners there were bodies in civilian clothes, the number of which, in relation to the total number of bodies examined, is insignificant (in all two out of 925 exhumed bodies); shoes of army pattern were on these bodies.

(b) The clothing on the bodies of the war prisoners showed that they were officers, and included some privates of the Polish Army.

(c) Slits in the pockets, pockets turned inside out, and tears in them discovered during examination of the clothing show that as a rule all the clothes on each body (greatcoats, trousers, etc.) bear traces of searches effected of the dead bodies.

(d) In some cases whole pockets were found during examination of the clothing, scraps of newspapers, prayer books, pocket books, postage stamps, postcards and letters, receipts, notes and other documents, as well as articles of value (a gold nugget, dollars). Pipes, pocket knives, cigarette papers, handkerchiefs and other articles were found in these pockets, as well as in the turned-out and torn pockets, under the linings, in the belts of the coats, in footwear and socks.

(e) Some of the documents found contain data referring to the period between November 12, 1940, and June 20, 1941.

(f) The fabric of clothes, especially of greatcoats, uniforms, trousers and tunics, is in a good state of preservation and can be torn with the hands only with great difficulty.

(g) A very small proportion of the bodies (20 out of 925) had the hands tied behind the back with woven cords. The condition of the clothes on the bodies—namely the fact that uniform jackets, shirts, belts, trousers and underwear are buttoned up, boots or shoes are on the feet, scarves and ties tied around the necks, suspenders attached, shirts tucked in—testifies that no external examination of the bodies and extremities of the bodies had been effected previously. The intact state of the skin on the heads, and the absence on them, as on the skin of the chests and abdomens (save in three cases out of 925) of any incisions, cuts or other signs, show convincingly that, judging by the bodies exhumed by the experts' commission, there had been no medico-legal examination of the bodies.

External and internal examination of 925 bodies proves the existence of bullet wounds on the head and neck, combined in four cases with injury of the bones of the cranium caused by a blunt, hard heavy object. Also, in a small number of cases were discovered injuries of the abdomen caused simultaneously with the wound in the head.

Entry orifices of the bullet wounds, as a rule singular, more rarely double, are situated in the occipital part of the head near the occipital protuberance, at the big occipital orifice or at its edge. In a few cases entry orifices of bullets have been found on the back surface of the neck, corresponding to the first or second or third vertebrae of the neck. The points of exit of the bullets have been found more frequently in the frontal area, more rarely in the parietal and temple areas as well as in the face and neck.

In 27 cases the bullet wounds proved to be blind (without exit orifices), and at the end of the bullet channels under the soft membrane of the cranium, in its bones, in the membranes and in the brain matter, were

found deformed, barely deformed, or altogether undeformed cased bullets of the type used with automatic pistols, mostly of the 7.65mm. calibre.

The dimensions of the entry orifices in the occipital bone make it possible to draw the conclusion that fire arms of two calibres were employed in the shooting: in the majority of cases, those of less than 8mm., i.e., 7.65mm. or less, and in a lesser number of cases, those of more than 8mm., i.e., 9mm.

The nature of the fissures of the cranial bones, and the fact that in some cases traces of powder were found at the entry orifice, proves that the shots were fired pointblank or nearly pointblank. Correlation of the points of entry and exit of the bullets shows that the shots were fired from behind with the head bent forward. The bullet channel pierced the vital parts of the brain, or near them, and death was caused by destruction of the brain tissues. The injuries inflicted by a blunt, hard, heavy object found on the parietal bones of the cranium were concurrent with the bullet wounds of the head, and were not in themselves the cause of death.

The medico-legal examination of the bodies carried out between January 16 and January 23, 1944, testifies that there are absolutely no bodies in a condition of decay or disintegration, and that all the 925 bodies are in a state of preservation—in the initial phase of desiccation of the body—which most frequently and clearly was expressed in the region of the thorax and abdomen, sometimes also in the extremities; and in the initial stage of formation of adipocere (in an advanced phase of formation of adipocere in the bodies extracted from the bottom of the graves); in a combination of desiccation of the tissues of the body with the formation of adipocere.

Especially noteworthy is the fact that the muscles of the trunk and extremities absolutely preserved their macroscopic structure and almost normal colour; the internal organs of the thorax and peritoneal cavity preserved their configuration. In many cases sections of heart muscle have a clearly discernible structure and specific colouration, while the brain presented its characteristic structural peculiarities with a distinctly discernible border between the grey and white matter.

Besides the macroscopic examination of the tissues and organs of the bodies, the medico-legal experts removed the necessary material for subsequent microscopic and chemical studies in laboratory conditions.

Properties of the soil in the place of discovery were of a certain significance in the preservation of the tissues and organs of the bodies. After the opening of the graves and exhumation of the bodies and their exposure to the air, the corpses were subject to the action of warmth and moisture in the late summer season of 1943. This could have resulted in a vigorous progress of decay. However, the degree of desiccation of the bodies and formation of adipocere in them, especially the good state of preservation of the muscles and internal organs, as well as of the clothes, give grounds to affirm that the bodies had not remained in the earth for long.

Comparing the condition of bodies in the grave on the territory of "Kozy Gory" with the condition of the bodies in other burial places in Smolensk and its nearest environs—Gedeonovka, Maglenshchina, Readovka, Camp No. 126, Krasny Bor, etc. (see protocol of the Commission of Medico-Legal Experts dated October 22, 1943)—it should be admitted that the bodies of the Polish war prisoners were buried on the territory of "Kozy Gory" about two years ago. This finds its complete corroboration in the documents found in the clothes on the bodies, which preclude the possibility of earlier burial (see point "d" of paragraph 36 and list of documents).

The commission of medico-legal experts, on the basis of the data and results of the investigation, consider as proved the fact of the killing by shooting of the Polish Army officer and private war prisoners; asserts that this shooting dates back to about two years ago, i.e. between September and December of 1941; regards the fact of the discovery by the commission of medico-legal experts, in the clothes on the bodies, of valuables and documents dated 1941, as proof that the German-Fascist authorities who undertook a search of the bodies in the spring-summer season of 1943 did not do it thoroughly, while the documents discovered testify that the shooting was done after June 1941; notes that in 1943 the Germans had made an extremely small number of post-mortem examinations of the bodies of the shot Polish war prisoners; notes the complete identity of method of the shooting of the Polish war prisoners with that of the shooting of Soviet civilians and war prisoners widely practised by the German-Fascist authorities in the temporarily occupied territory of the U.S.S.R., including the towns of Smolensk, Orel, Kharkov, Krasnodar and Voronezh.

Signed by the Chief Medico-Legal Expert of the People's Commissariat of Health Protection of the U.S.S.R., Director of the State Scientific Research Institute of Forensic Medicine under the People's Commissariat of Health Protection of the U.S.S.R., PROZOROVSKY; Professor of Forensic Medicine at the Second Moscow State Medical Institute, Doctor of Medicine SMOLYANINOV; Professor of Pathological Anatomy, Doctor of Medicine VOROPAYEV; Senior Staff Scientist of Thanatological Dept. of the State Scientific Research Institute of Forensic Medicine under the People's Commissariat of Health Protection of the U.S.S.R., Doctor SEMENOVSKY; Senior Staff Scientist of the Forensic Chemistry Dept. of the State Scientific Research Institute of Forensic Medicine under the People's Commissariat of Health Protection of the U.S.S.R., Assistant Professor SHVAIKOVA.
Smolensk, January 24, 1944.

DOCUMENTS FOUND ON THE BODIES

Besides the data recorded in the protocol of the commission of medico-legal experts, the time of the shooting of the Polish officer prisoners by the Germans (autumn 1941, and not spring 1940 as the

Germans assert) is also ascertained by documents found when the graves were opened, dating not only the latter half of 1940 but also the spring and summer (March-June) of 1941. Of the documents discovered by the medico-legal experts, the following deserve special attention:

1. On body No. 92: A letter from Warsaw addressed to the Central War Prisoners' Bureau of the Red Cross, Moscow, Kuibyshev Street, House No. 12. The letter is written in Russian. In this letter Sofia Zigon inquires the whereabouts of her husband Tomasz Zigon. The letter is dated September 12, 1940. The envelope bears the impress of a German rubber stamp "Warsaw Sept. 1940" and a rubber stamp "Moscow, Central Post Office, ninth delivery, Sept. 28, 1940" and an inscription in the Russian language: "Ascertain and forward for delivery, November 15, 1940" (signature illegible).

2. On body No. 4: A postcard registered under the number 0112 from Tarnopol stamped "Tarnopol Nov. 12, 1940." The written text and address are discoloured.

3. On body No. 101: A receipt No. 10293 dated Dec. 19, 1939 issued by the Kozelsk Camp testifying receipt of a gold watch from Eduard Adamovich Lewandowski. On the back of the receipt is a note dated March 14, 1941 on the sale of this watch to the Jewellery Trading Trust.

4. On body No. 46: A receipt (number illegible) issued December 16, 1939 by the Starobelsk Camp testifying receipt of a gold watch from Vladimir Rudolfovich Araszkevich. On the back of the receipt is a note dated March 25, 1941 stating that the watch was sold to the Jewellery Trading Trust.

5. On body No. 71: A small paper ikon with the image of Christ, found between pages 114 and 145 of a Catholic prayer book. The inscription, with legible signature, on the back of the ikon reads: "Jadwiga" and bears the date April 4, 1941."

6. On body No. 46: A receipt dated April 6, 1941 issued by the Camp No. 1-ON, showing receipt of a sum in roubles from Araszkevich.

7. On the same body No. 46: A receipt dated May 5, 1941 issued by Camp No. 1-ON, showing receipt of 102 roubles from Araszkevich.

8. On body No. 101: A receipt dated May 15, 1941 issued by Camp No. 1 showing receipt of 175 roubles from Lewandowski.

9. On body No. 53: An unmailed postcard in the Polish language addressed Warsaw Bagatelia, 15, Flat 47, to Irene Kuczinska, and dated June 20, 1941. The sender is Stanislaw Kuczinski.

CONCLUSIONS OF THE SPECIAL COMMISSION

FROM all the material at the disposal of the Special Commission, namely evidence given by over 100 witnesses questioned, data supplied by the medico-legal experts, documents and material evidence

found in the graves in the Katyn Forest, the following conclusions emerge with irrefutable clarity:

1. The Polish prisoners of war who were in the three camps west of Smolensk, and employed on road building before the outbreak of war, remained there after the German invaders reached Smolensk, until September, 1941, inclusive.

2. In the Katyn Forest, in the autumn of 1941, the German occupation authorities carried out mass shootings of Polish prisoners of war from the above-named camps.

3. The mass shootings of Polish prisoners of war in the Katyn Forest was carried out by a German military organisation hiding behind the conventional name "H.Q. of the 537th Engineering Battalion," which consisted of Ober-leutnant Arnes, his assistant, Ober-leutnant Rekst, and Lieutenant Hott.

4. In connection with the deterioration of the general military and political situation for Germany at the beginning of the year 1943, the German occupation authorities, with provocation aims, took a number of steps in order to ascribe their own crimes to the organs of the Soviet Power, calculating on setting Russians and Poles at loggerheads.

5. With this aim, (a) the German-Fascist invaders, using persuasion, attempts at bribery, threats and barbarous torture, tried to find witnesses among Soviet citizens, from whom they tried to extort false evidence alleging that the Polish prisoners of war had been shot by the organs of Soviet Power in the spring of 1940; (b) the German occupation authorities in the spring of 1943 brought in from other districts bodies of Polish war prisoners whom they had shot and put them into the open graves in the Katyn Forest, calculating on covering up the traces of their own crimes, and on increasing the number of "victims of Bolshevik atrocities" in the Katyn Forest; (c) preparing for their provocation, the German occupation authorities started opening the graves in the Katyn Forest in order to take out documents and material evidence which exposed them, using for this work about 500 Russian prisoners of war who were shot by the Germans after the work was completed.

6. It has been established beyond doubt from the evidence of the medico-legal experts, that (a) the time of the shooting was the autumn of 1941; (b) in shooting the Polish war prisoners the German hangmen applied the same method of pistol shots in the back of the head as they applied in the mass execution of Soviet citizens in other towns, e.g., Orel, Voronezh, Krasnodar and Smolensk itself.

7. The conclusions drawn from the evidence given by witnesses, and from the shooting of Polish war prisoners by the Germans in the autumn of 1941, are completely confirmed by the material evidence and documents excavated from the Katyn graves.

8. In shooting the Polish war prisoners in the Katyn Forest, the German-Fascist invaders consistently carried out their policy of physical extermination of the Slav peoples.

Signed :

Chairman of the Special Commission, Member of the Extraordinary State Commission, Academician BURDENKO.

Members :

Member of the Extraordinary State Commission, Academician ALEXEI TOLSTOY.

Member of the Extraordinary State Commission, the Metropolitan NIKOLAI.

Chairman of the All-Slav Committee, Lieutenant-General GUNDOROV.

Chairman of the Executive Committee of the Union of the Red Cross and Red Crescent Societies, KOLESNIKOV.

People's Commissar for Education of the Russian S.F.S.R., Academician POTEMKIN.

Chief of the Central Medical Administration of the Red Army, Colonel-General SMIRNOV.

Chairman of the Smolensk Regional Executive Committee, MELNIKOV.

Smolensk, January 24, 1944.

22

Товарищу ВЫШИНСКОМУ А.Я.

Направляя Вам письмо академика Бурденко Н.Н., прошу
помочь получить необходимые ему книги для издания доку-
ментов по Катынскому делу.

Н. ШВЕРНИК

23

Глубокоуважаемый Николай Михайлович!

Во исполнение Вашего пожелания издать книгу о трагедии в Катынском лесу, для оформления и документации необходимо иметь постановление Версальского договора о калибре револьверных пуль и книжку, изданную немцами в Берлине в 1943 году. Эта книга имеется в нашем полпредстве в Анкаре.

Об этих об'ектах я говорил с А.Я. Вышинским и получил в марте с.г. обещание представить их в Ваше распоряжение. Повидимому, он очень занят и не имел случая вспомнить об этом вопросе.

Позвольте Вас просить написать от Вашего имени личную просьбу по этому поводу.

Н. БУРДЕНКО.

СССР

ПРОТОКОЛ № 28

ЗАСЕДАНИЯ

ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОМИССИИ

ПО УСТАНОВЛЕНИЮ И РАССЛЕДОВАНИЮ ЗЛОДЕЯНИЙ
НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ И
ИХ СООБЩНИКОВ И ПРИЧИНЁННОГО ИМИ УЩЕРБА
ГРАЖДАНАМ, КОЛХОЗАМ, ОБЩЕСТВЕННЫМ ОРГАНИ-
ЗАЦИЯМ, ГОСУДАРСТВЕННЫМ ПРЕДПРИЯТИЯМ И
УЧРЕЖДЕНИЯМ СССР

от 23 марта

Опросом

- I. О работе по исследованию и установлению метода расстрела немецко-фашистскими захватчиками советских граждан.

| Член Чрезвычайной Государственной Комиссии
академик Бурденко |.

- I. Считать целесообразным продолжение работ по исследованию и установлению метода расстрела немецко-фашистскими захватчиками советских граждан.
2. Утвердить представленный членом Чрезвычайной Государственной Комиссии академиком Бурденко план работ.
3. Создать редакционную комиссию в составе Членов Чрезвычайной Государственной Комиссии академика Бурденко Н.Н., академика Толстого А.Н., Митрополита Николая, Народного Комиссара просвещения РСФСР Потемкина В.П. и начальника отдела Секретариата Комиссии Макарова В.Н. - для издания книги - документов о результатах расследования обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катинском лесу |близ Смоленска| польских офицеров.

4. Поручить Главному Военно-Санитарному Управлению дать указание военным судебным врачам и патолого-анатомам войсковых соединений участвовать в эксгумации и исследовании трупов расстрелянных советских граждан.
5. Просить Народного Комиссара Внутренних Дел товарища Берия Л.П. и Народного Комиссара Государственной Безопасности товарища Меркулова В.Н. дать распоряжение местным органам собирать материалы [фото, дневники, газеты, акты, протоколы и т.п.], характеризующие немецкий метод расстрела.

АННОТАЦИЯ КНИГИ

КАКОВА ИДЕОЛОГИЯ ГИТЛЕРА И НЕМЕЦКОГО КОМАНДОВАНИЯ ОБ УНИЧТОЖЕНИИ НАРОДОВ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Психология садизма.

Конкретные мероприятия в этом отношении. Массовая гибель военнопленных. Включение в число военнопленных гражданского населения захваченных районов.

Формы массового истребления:

лишение минимума средств физиологического состояния -
холод, голод, физические мучения, моральная травма.

Методы убийства:

массового - шахты, сожжение групп, массовые расстрелы из
пулеметов и автоматов, душегубки.

системы индивидуального уничтожения.

Описание системы убийств:

- а) свидетельские показания,
- б) фотографии, найденные у немецкого летчика и помещенные в газете "Красная Звезда" в Сентябре 1943 года,
- в) картины: в Орле, Смоленске, Воронеже.

Убийство польских офицеров, как исполнение программы Гитлера, и частные случаи массового истребления славянских народов. Применение немецкой системы.

Преступления ^(немцев), как исторический факт, в 1941 г. в осенние месяцы.

Мошенническая комбинация немцев весной 1943 г. и вероятные причины этого.

Описание истории с демонстрацией немцами катынских могил населению, экспертиза, делегации польских профашистских кругов.

Лже-свидетели и организация чудовищной подготовки лже-свидетелей.

Разследования Советской власти и история нашей Комиссии. Организация работ: 1) Сбор свидетелей,

2) Опрос лже-свидетелей,

3) Раскрытие могил. Порядок исследования трупов:

Констатирование причины смерти и способа умерщвления; обслуживание врачебной деятельности со стороны немецких врачей по отношению к раненым и выяснение причин смерти. Осмотр вещественных доказательств - писем, квитанций и др. документов, фотографий.

Обследование ран черепов - катынских, орловских смоленских и воронежских.

Глубокоуважаемый Николай Михайлович!

Во исполнение Вашего пожелания издать книгу о трагедии в Катынском лесу, для оформления и документации необходимо иметь постановление Версальского договора о калибре револьверных пуль и книжку, изданную немцами в Берлине в 1943 году. Эта книга имеется в нашем полпредстве в Анкаре.

Об этих об'ектах я говорил с А.Я. Вышинским и получил в марте с.г. обещание представить их в Ваше распоряжение. Повидимому, он очень занят и не имел случая вспомнить об этом вопросе.

Позвольте Вас просить написать от Вашего имени личную просьбу по этому поводу.

Приписанный Волч Н. Бурденко
Н. БУРДЕНКО.

31. V. 44

СООБЩЕНИЕ
СПЕЦИАЛЬНОЙ КОМИССИИ
ПО УСТАНОВЛЕНИЮ И РАССЛЕДОВАНИЮ
ОБСТОЯТЕЛЬСТВ РАССТРЕЛА НЕМЕЦКО-
ФАШИСТСКИМИ ЗАХВАТЧИКАМИ
В КАТЫНСКОМ ЛЕСУ ВОЕННОПЛЕННЫХ
ПОЛЬСКИХ ОФИЦЕРОВ

О Г И З
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
1944

СООБЩЕНИЕ

СПЕЦИАЛЬНОЙ КОМИССИИ ПО УСТАНОВЛЕНИЮ И РАССЛЕДОВАНИЮ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ РАССТРЕЛА НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИМИ ЗАХВАТЧИКАМИ В КАТЫНСКОМ ЛЕСУ ВОЕННОПЛЕННЫХ ПОЛЬСКИХ ОФИЦЕРОВ.

Постановлением Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников была создана Специальная Комиссия по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу (близ Смоленска) военнопленных польских офицеров.

В состав Комиссии вошли: член Чрезвычайной Государственной Комиссии академик **Н. Н. Бурденко** (председатель Комиссии), член Чрезвычайной Государственной Комиссии академик **Алексей Толстой**, член Чрезвычайной Государственной Комиссии Митрополит **Николай**, председатель Всеславянского Комитета генерал-лейтенант **Гундоров А. С.**; председатель Исполкома Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца **Колесников С. А.**, Народный Комиссар просвещения РСФСР академик **Потёмкин В. П.**, начальник Главного Военно-Санитарного Управления Красной Армии генерал-полковник **Смирнов Е. И.**, председатель Смоленского облисполкома **Мельников Р. Е.**

Для выполнения поставленной перед нею задачи Комиссия привлекла для участия в своей работе следующих судебно-медицинских экспертов: главного судебно-медицинского эксперта Наркомздрава СССР директора Научно-Исследовательского Института судебной медицины **Прозоровского В. И.**, заведующего кафедрой судебной медицины 2-го Московского медицинского института доктора медицинских наук **Смолянинова В. М.**, ст. научного сотрудника Государственного Научно-Исследовательского института судебной медицины Наркомздрава СССР **Семеновского П. С.**; ст. научного сотрудника Государственного Научно-Исследовательского института судебной медицины Наркомздрава СССР доцента **Швайкову М. Д.**; гл. патолога фронта майора медицинской службы профессора **Выропаева Д. Н.**

В распоряжении Специальной Комиссии находился обширный материал, представленный членом Чрезвычайной Государственной Комиссии академиком **Н. Н. Бурденко**, его сотрудниками и судебно-медицинскими экспертами, которые прибыли в гор. Смоленск 26 сентября 1943 года, немедленно после его освобождения и провели предварительное изучение и расследование обстоятельств всех учинённых немцами злодеяний.

Специальная Комиссия проверила и установила на месте, что на 15-ом километре от гор. Смоленска по Витебскому шоссе в районе Катynского леса, именуемом «Козьи Горы», в 200-х метрах от шоссе на юго-запад по направлению к Днепру, находятся могилы, в которых зарыты военнопленные поляки, расстрелянные немецкими оккупантами.

По распоряжению Специальной Комиссии и в присутствии всех членов Специальной Комиссии и судебно-медицинских экспертов могилы были вскрыты. В могилах обнаружено большое количество трупов в польском военном обмундировании. Общее количество трупов по

подсчёту судебно-медицинских экспертов достигает 11.000.

Судебно-медицинские эксперты произвели подробное исследование извлечённых трупов и тех документов и вещественных доказательств, которые были обнаружены на трупах и в могилах.

Одновременно со вскрытием могил и исследованием трупов Специальная Комиссия произвела опрос многочисленных свидетелей из местного населения, показаниями которых точно устанавливаются время и обстоятельства преступлений, совершённых немецкими оккупантами.

Из показаний свидетелей выясняется следующее:

КАТЫНСКИЙ ЛЕС

Издавна Катynский лес был излюбленным местом, где население Смоленска обычно проводило праздничный отдых. Окрестное население пасло скот в Катynском лесу и заготавливало для себя топливо. Никаких запретов и ограничений доступа в Катynский лес не существовало.

Такое положение в Катynском лесу существовало до самой войны. Ещё летом 1941 г. в этом лесу находился пионерский лагерь Промстрахассы, который был свёрнут лишь в июле 1941 г.

С захватом Смоленска немецкими оккупантами в Катynском лесу был установлен совершенно иной режим. Лес стал охраняться усиленными патрулями; во многих местах появились надписи, предупреждавшие, что лица, входящие в лес без особого пропуска, подлежат расстрелу на месте.

Особенно строго охранялась та часть Катynского леса, которая именовалась «Козьи Горы», а также территория на берегу Днепра, где, на расстоянии 700 мтр. от обнаруженных могил польских военнопленных, находилась

дача — дом отдыха Смоленского Управления НКВД. По приходе немцев в этой даче расположилось немецкое учреждение, именовавшееся: «Штаб 537-го строительного батальона».

ВОЕННОПЛЕННЫЕ ПОЛЯКИ В РАЙОНЕ СМОЛЕНСКА

Специальной Комиссией установлено, что до захвата немецкими оккупантами Смоленска в западных районах области на строительстве и ремонте шоссе работали польские военнопленные офицеры и солдаты. Размещались эти военнопленные поляки в трёх лагерях особого назначения, именовавшихся: лагерь № 1-ОН, № 2-ОН и № 3-ОН, на расстоянии от 25 до 45 км. на запад от Смоленска.

Показаниями свидетелей и документальными материалами установлено, что после начала военных действий, в силу сложившейся обстановки, лагеря не могли быть своевременно эвакуированы и все военнопленные поляки, а также часть охраны и сотрудников лагерей попали в плен к немцам.

Допрошенный Специальной Комиссией быв. нач. лагеря № 1-ОН майор государственной безопасности **Ветoshников В. М.** показал:

«...Я ожидал приказа о ликвидации лагеря, но связь со Смоленском прервалась. Тогда я сам с несколькими сотрудниками выехал в Смоленск для выяснения обстановки. В Смоленске я застал напряжённое положение. Я обратился к нач. движения Смоленского участка Западной ж. д. т. **Иванову** с просьбой обеспечить лагерь вагонами для вывоза военнопленных поляков. Но т. **Иванов** ответил, что рассчитывать на получение вагонов я не могу. Я пытался связаться также с Москвой для получения разрешения двинуться пешим порядком, но мне это не удалось.

К этому времени Смоленск уже был отрезан немцами от лагеря и что стало с военнопленными поляками и оставшейся в лагере охраной — я не знаю.

Замещавший в июле 1941 г. начальника движения Смоленского участка Западной ж. д. инженер **Иванов С. В.** показал Специальной Комиссии:

«Ко мне в отделение обращалась администрация лагерей для польских военнопленных, чтобы получить вагоны для отправки поляков, но свободных вагонов у нас не было. Помимо того, подать вагоны на трассу Гусино, где было больше всего военнопленных поляков, мы не могли, так как эта дорога уже находилась под обстрелом. Поэтому мы не могли выполнить просьб администрации лагерей. Таким образом, военнопленные поляки остались в Смоленской области.

Нахождение польских военнопленных в лагерях Смоленской обл. подтверждается показаниями многочисленных свидетелей, которые видели этих поляков близ Смоленска в первые месяцы оккупации до сентября м-ца 1941 г. включительно.

Свидетельница **Сашнева Мария Александровна**, учительница начальной школы дер. **Зеньково**, рассказала Специальной Комиссии о том, что в августе м-ца 1941 г. она приютила у себя в доме в дер. **Зеньково** бежавшего из лагеря военнопленного поляка.

«...Поляк был в польской военной форме, которую я сразу узнала, так как в течение 1940—41 г.г. видела на шоссе группы военнопленных поляков, которые под конвоем вели какие-то работы на шоссе... Поляк меня заинтересовал потому, что, как выяснилось, он до призыва на военную службу был в Польше учителем начальной школы. Так как я сама окончила Педтехникум и готовилась быть учительницей, то потому и завела с ним разговор. Он рассказал мне, что окончил в Польше учительскую семинарию, а затем учился в какой-то

военной школе и был подпоручиком запаса. С начала военных действий Польши с Германией он был призван на действительную службу, находился в Брест-Литовске, где и попал в плен к частям Красной Армии... Больше года он находился в лагере под Смоленском.

Когда пришли немцы, они захватили польский лагерь, установили в нём жёсткий режим. Немцы не считали поляков за людей, всячески притесняли и издевались над ними. Были случаи расстрела поляков ни за что. Тогда он решил бежать. Рассказывая о себе, он сказал, что жена его также учительница, что у него есть два брата и две сестры...

Уходя на другой день, поляк назвал свою фамилию, которую Сашнева записала в книге. В представленной Сашневой Специальной Комиссии книге «Практические занятия по естествознанию» Ягодовского на последней странице имеется запись:

«Лоек Юзеф и Софья. Город Замостье улица Огородная дом № 25».

В опубликованных немцами списках под № 3796 Лоек Юзеф, лейтенант, значится, как расстрелянный на «Козьих Горах» в Катынском лесу весной 1940 г.

Таким образом, по немецкому сообщению получается, что Лоек Юзеф был расстрелян за год до того, как его видела свидетельница Сашнева.

Свидетель Даниленков Н. В., крестьянин колхоза «Красная Заря» Катынского сельсовета, показал:

«В 1941 г. в августе — сентябре м-це, когда пришли немцы, я встречал поляков, работающих на шоссе группами по 15—20 чел.».

Такие же показания дали свидетели: Солдатенков — быв. староста дер. Борок, Колачев А. С. — врач Смоленска, Оглоблин А. П. — священник, Сергеев Т. И. — дорожный мастер, Смирягин П. А. — инженер, Московская А. М. — жительница Смоленска, Алексеев А. М. —

председатель колхоза дер. Борок, Куцев И. В. — водопроводный техник, Городецкий В. П. — священник, Базекина А. Т. — бухгалтер, Ветрова Е. Н. — учительница, Савватеев И. В. — дежурный по ст. Гнездово и др.

ОБЛАВЫ НА ПОЛЬСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ

Наличие военнопленных поляков осенью 1941 г. в районах Смоленска подтверждается также фактом проведения немцами многочисленных облав на этих военнопленных, бежавших из лагерей.

Свидетель Картошкин И. М., плотник, показал:

«Военнопленных поляков осенью 1941 г. немцы искали не только в лесах, но и привлекалась полиция для ночных обысков в деревнях».

Быв. староста дер. Новые Батеки Захаров М. Д. показал, что осенью 1941 г. немцы усиленно «прочёсывали» деревни и леса в поисках польских военнопленных.

Свидетель Даниленков Н. В., крестьянин колхоза «Красная Заря», показал:

«У нас производились специальные облавы по розыску бежавших из-под стражи военнопленных поляков. Такие обыски два или три раза были в моём доме. После одного обыска я спросил старосту Сергеева Константина — кого ищут в нашей деревне. Сергеев сказал, что прибыл приказ из немецкой комендатуры, по которому во всех без исключения домах должен быть произведён обыск, так как в нашей деревне скрываются военнопленные поляки, бежавшие из лагеря. Через некоторое время обыски прекратились».

Свидетель Фатков Т. Е., колхозник, показал:

«Облавы по розыску пленных поляков производились несколько раз. Это было в августе — сентябре 1941 года. После сентября 1941 г. такие облавы прекратились и больше никто польских военнопленных не видел».

РАССТРЕЛЫ ВОЕННОПЛЕННЫХ ПОЛЯКОВ

Упомянутый выше «Штаб 537 строительного батальона», помещавшийся на даче в «Козьих Горах», не производил никаких строительных работ. Деятельность его была тщательно законспирирована.

Чем на самом деле занимался этот «штаб», показали многие свидетели, в том числе свидетельницы: **Алексеева А. М., Михайлова О. А. и Конаховская З. П.** — жительницы дер. Борок Катынского с/с.

По распоряжению немецкого коменданта посёлка Катынь они были направлены старостой деревни Борок — **Солдатенковым В. И.** для работы по обслуживанию личного состава «штаба» на упомянутой даче.

По прибытии в «Козьи Горы» им через переводчика был поставлен ряд ограничений: было запрещено вовсе удаляться от дачи и ходить в лес, заходить без вызова и без сопровождения немецких солдат в комнаты дачи, оставаться в расположении дачи в ночное время. Приходить и уходить на работу разрешалось по строго определённому пути и только в сопровождении солдат.

Это предупреждение было сделано **Алексеевой, Михайловой и Конаховской** через переводчика непосредственно самим начальником немецкого учреждения, оберст-лейтенантом **Арнесом**, который для этой цели поодиночке вызывал их к себе.

По вопросу о личном составе «штаба» **Алексеева А. М.** показала:

«На даче в «Козьих Горах» постоянно находилось около 30 немцев, старшим у них был оберст-лейтенант **Арнес**, его адъютантом являлся обер-лейтенант **Рекст**. Там находились также лейтенант **Хотт**, вахмистр **Люмерт**, унтер-офицер по хозяйственным делам **Розе**, его помощник **Изике**, обер-фельдфебель **Грневский**, ведавший электростанцией, фотограф обер-ефрейтор, фами-

лию которого я не помню, переводчик из Немцев-Поволжья, имя его кажется **Иоганн**, но мы его называли **Иваном**, повар немец **Густав** и ряд других, фамилии и имена которых мне неизвестны».

Вскоре после своего поступления на работу **Алексеева, Михайлова и Конаховская** стали замечать, что на даче совершаются «какие-то тёмные дела».

Алексеева А. М. показала:

«...Переводчик **Иоганн**, от имени **Арнеса**, нас несколько раз предупреждал о том, что мы должны «держаться язык за зубами» и не болтать о том, что видим и слышим на даче.

Кроме того, я по целому ряду моментов догадывалась, что на этой даче немцы творят какие-то тёмные дела...

В конце августа и большую часть сентября месяца 1941 года на дачу в «Козьи Горы» почти ежедневно приезжало несколько грузовых машин.

Сначала я не обратила на это внимания, но потом заметила, что всякий раз, когда на территорию дачи заезжали эти машины, они предварительно на полчаса, а то и на целый час, останавливались где-то на просёлочной дороге, ведущей от шоссе к даче.

Я сделала такой вывод потому, что шум машин через некоторое время после заезда их на территорию дачи утихал. Одновременно с прекращением шума машин начиналась одиночная стрельба. Выстрелы следовали один за другим через короткие, но, примерно, одинаковые промежутки времени. Затем стрельба стихала и машины подъезжали к самой даче.

Из машин выходили немецкие солдаты и унтер-офицеры. Шумно разговаривая между собой, они шли мыться в баню, после чего пьянствовали. Баня в эти дни всегда топилась.

В дни приезда машин на дачу прибывали дополни-

тельно солдаты из какой-то немецкой воинской части. Для них специально ставились койки в помещении солдатского казино, организованного в одной из зал дачи. В эти дни на кухне готовилось большое количество обедов, а к столу подавалась удвоенная порция спиртных напитков.

Незадолго до прибытия машин на дачу эти солдаты с оружием уходили в лес, очевидно к месту остановки машин, так как через полчаса или через час возвращались на этих машинах вместе с солдатами, постоянно жившими на даче.

Я, вероятно, не стала бы наблюдать и не заметила бы, как затихает и возобновляется шум прибывающих на дачу машин, если бы каждый раз, когда приезжали машины, нас (меня, **Конаховскую** и **Михайлову**) не загоняли на кухню, если мы находились в это время на дворе у дачи, или же не выпускали из кухни, если мы находились на кухне.

Это обстоятельство, а также то, что я несколько раз замечала следы свежей крови на одежде двух ефрейторов, заставило меня внимательно присмотреться за тем, что происходило на даче. Тогда я и заметила странные перерывы в движении машин, их остановки в лесу. Я заметила также, что следы крови были на одежде одних и тех же людей — двух ефрейторов. Один из них был высокий, рыжий, другой — среднего роста, блондин.

Из всего этого я заключила, что немцы на машине привозили на дачу людей и их расстреливали. Я даже приблизительно догадывалась, где это происходило, так как, приходя и уходя с дачи, я замечала недалеко от дороги в нескольких местах свеженабросанную землю. Площадь, занятая этой свеженабросанной землёй, ежедневно увеличивалась в длину. С течением времени земля в этих местах приняла свой обычный вид».

36

На вопрос Специальной Комиссии, что за люди расстреливались в лесу близ дачи, **Алексеева** ответила, что расстреливались военнопленные поляки, и в подтверждение своих слов рассказала следующее:

«Были дни, когда машины на дачу не прибывали, а тем не менее солдаты уходили с дачи в лес, оттуда слышалась частая одиночная стрельба. По возвращении солдаты обязательно шли в баню и затем пьянствовали.

И вот был ещё такой случай. Я как-то задержалась на даче несколько позже обычного времени. **Михайлова** и **Конаховская** уже ушли. Я ещё не успела закончить своей работы, ради которой осталась, как неожиданно пришёл солдат и сказал, что я могу уходить. Он при этом сослался на распоряжение **Розе**. Он же проводил меня до шоссе.

Когда я отошла по шоссе от поворота на дачу метров 150—200, я увидела, как по шоссе шла группа военнопленных поляков человек 30 под усиленным конвоем немцев.

То, что это были поляки, я знала потому, что ещё до начала войны, а также и некоторое время после прихода немцев, я встречала на шоссе военнопленных поляков, одетых в такую же форму, с характерными для них четырёхугольными фуражками.

Я остановилась у края дороги, желая посмотреть, куда их ведут, и увидела, как они свернули у поворота к нам на дачу в «Козьи Горы».

Так как к этому времени я уже внимательно наблюдала за всем происходящим на даче, я заинтересовалась этим обстоятельством, вернулась по шоссе несколько назад и, укрывшись в кустах у обочины дороги, стала ждать. Примерно через минут 20 или 30 я услышала характерные, мне уже знакомые, одиночные выстрелы.

Тогда мне стало всё ясно, и я быстро пошла домой. Из этого факта я также заключила, что немцы расстреливали поляков, очевидно, не только днём, когда мы работали на даче, но и ночью в наше отсутствие. Мне это тогда стало понятно ещё и потому, что я вспомнила случай, когда весь живший на даче состав офицеров и солдат, за исключением часовых, проснулся поздно, часам к 12 дня.

Несколько раз о прибытии поляков в «Козьи Горы» мы догадывались по напряжённой обстановке, которая царил в это время на даче...

Весь офицерский состав уходил из дачи, в здании оставалось только несколько караульных, а вахмистр беспрерывно проверял посты по телефону...

Михайлова О. А. показала:

«В сентябре месяце 1941 года в лесу «Козьи Горы» очень часто раздавалась стрельба. Сначала я не обращала внимания на подъезжавшие к нашей даче грузовые автомашины, крытые с боков и сверху, окрашенные в зелёный цвет, всегда сопровождавшиеся унтер-офицерами. Затем я заметила, что эти машины никогда не заходят в наш гараж и в то же время не разгружаются. Эти грузовые автомашины приезжали очень часто, особенно в сентябре 1941 года.

Среди унтер-офицеров, которые всегда ездили в кабинах рядом с шофёрами, я стала замечать одного высокого с бледным лицом и рыжими волосами. Когда эти машины подъезжали к даче, то все унтер-офицеры, как по команде, шли в баню и долго в ней мылись, после чего сильно пьянствовали на даче.

Однажды этот высокий, рыжий немец, выйдя из машины, направился в кухню и попросил воды. Когда он пил из стакана воду, я увидела кровь на обшлаге правого рукава его мундира».

Михайлова О. А. и **Конаховская З. П.** один раз лично

видели, как были расстреляны два военнопленных поляка, очевидно бежавшие от немцев и затем пойманные.

Михайлова об этом показала:

«Однажды, как обычно, я и **Конаховская** работали на кухне и услышали недалеко от дачи шум. Выйдя за дверь, мы увидели двух военнопленных поляков, окружённых немецкими солдатами, что-то разяснявшими унтер-офицеру **Розе**, затем к ним подошёл оберст-лейтенант **Арнес** и что-то сказал **Розе**. Мы спрятались в сторону, так как боялись, что за проявленное любопытство **Розе** нас изобьёт. Но нас всё-таки заметили, и механик **Глиневский**, по знаку **Розе**, загнал нас на кухню, а поляков повёл в сторону от дачи. Через несколько минут мы услышали выстрелы. Вернувшиеся вскоре немецкие солдаты и унтер-офицер **Розе** оживлённо разговаривали. Я и **Конаховская**, желая выяснить, как поступили немцы с задержанными поляками, снова вышли на улицу. Одновременно с нами вышедший через главный вход дачи адъютант **Арнеса** по-немецки что-то спросил **Розе**, на что последний также по-немецки ответил: «Всё в порядке». Эти слова я поняла, так как их немцы часто употребляли в разговорах между собой. Из всего происшедшего я заключила, что эти два поляка расстреляны».

Аналогичные показания по этому вопросу дала также **Конаховская З. П.**

Напуганные тем, что происходило на даче, **Алексеева**, **Михайлова** и **Конаховская** решили под каким-нибудь удобным предлогом оставить работу на даче. Воспользовавшись снижением им «зарплаты» с 9 марок до 3-х марок в месяц в начале января 1942 г., по предложению **Михайловой**, они не вышли на работу. За ними в тот же день вечером приехали на машине, привезли на дачу и в наказание посадили в холодную — **Михайлову** на 8 суток, а **Алексееву** и **Конаховскую** на 3-е суток.

После того, как они отсидели этот срок, их всех уволили.

За время своей работы на даче **Алексеева, Михайлова** и **Конаховская** боялись делиться друг с другом своими наблюдениями обо всём том, что на даче происходило. Лишь будучи арестованными, сидя в холодной, ночью они поделились об этом.

Михайлова на допросе от 24 декабря 1943 года показала:

«Здесь мы впервые поговорили откровенно о том, что делается на даче, Я рассказала всё, что знала, но оказалось, что и **Конаховская** и **Алексеева** также знали все эти факты, но тоже, как и я, боялись говорить мне об этом. Тут же я узнала о том, что немцы в «Козьих Горах» расстреливали именно польских военнопленных, так как **Алексеева** рассказала, что она однажды осенью 1941 года шла с работы и лично видела, как немцы загоняли в лес «Козьи Горы» большую группу военнопленных поляков, а затем слышала в этом месте стрельбу».

Аналогичные показания об этом дали также **Алексеева** и **Конаховская**.

Сопоставив свои наблюдения, **Алексеева, Михайлова** и **Конаховская** пришли к твёрдому убеждению, что в августе и сентябре месяцах 1941 года на даче в «Козьих Горах» немцами производились массовые расстрелы военнопленных поляков.

Показания **Алексеевой** подтверждаются показаниями её отца — **Алексеева** Михаила, которому она ещё в период своей работы на даче осенью 1941 года рассказывала о своих наблюдениях по поводу творимых немцами на даче дел.

«Она мне долго ничего не говорила», — показал **Алексеев** Михаил, — «только приходя домой жаловалась, что на даче работать страшно и она не знает, как

ей оттуда вырваться. Когда я её спрашивал, почему ей страшно, она говорила, что в лесу очень часто слышится стрельба. Однажды, придя домой, она сказала мне по секрету, что в лесу «Козьи Горы» немцы расстреливают поляков. Выслушав дочь, я её очень строго предупредил, чтобы она больше никому об этом не рассказывала, иначе узнают немцы и пострадает вся наша семья».

Показания о приводе на «Козьи Горы» военнопленных поляков небольшими группами в 20—30 человек, под охраной 5—7 немецких солдат, дали и другие свидетели, допрошенные Специальной Комиссией: **Киселёв П. Г.** — крестьянин хутора «Козьи Горы», **Кривоцерцев М. Г.** — плотник станции Красный Бор в Катынском лесу, **Иванов С. В.** — быв. нач. ст. Гнездово в районе Катынского леса, **Савватеев И. В.** — дежурный по той же станции, **Алексеев М. А.** — председатель колхоза дер. Борок, **Оглоблин А. П.** — священник Купринской церкви и др.

Эти свидетели слышали и выстрелы, раздававшиеся из леса на «Козьих Горах».

Особо важное значение для выяснения того, что происходило на даче в «Козьих Горах» осенью 1941 г., имеют показания профессора астрономии, директора обсерватории в Смоленске — **Базилевского Б. В.**

Профессор **Базилевский** в первые дни оккупации немцами Смоленска был насильно назначен ими зам. начальника города (бургомистра), а начальником города был назначен немцами адвокат **Меньшагин Б. Г.**, впоследствии ушедший вместе с ними, предатель, пользовавшийся особым доверием у немецкого командования и в частности у коменданта Смоленска фон-Швец'а.

В начале сентября 1941 г. **Базилевский** обратился с просьбой к **Меньшагину** — ходатайствовать перед комендантом фон-Швец об освобождении из лагеря военнопленных № 126 педагога **Жиглинского**. Выполняя эту

просьбу, **Меньшагин** обратился к фон-Швецу и, затем, передал **Базилевскому**, что его просьба не может быть удовлетворена, так как по словам фон-Швец'а «получена директива из Берлина, предписывающая неукоснительно проводить самый жёсткий режим в отношении военнопленных, не допуская никаких послаблений в этом вопросе».

«Я невольно возразил, — показал свидетель **Базилевский**, — «что же может быть жёстче существующего в лагере режима?» **Меньшагин** странно посмотрел на меня и, наклонившись ко мне, тихо ответил: «Может быть! Русские, по крайней мере, сами будут умирать, а вот военнопленных поляков предложено просто уничтожить».

«Как, так? Как это понимать?» — воскликнул я.

«Понимать надо в буквальном смысле. Есть такая директива из Берлина», — ответил **Меньшагин** и тут же попросил меня «ради всего святого» никому об этом не говорить...»

«Недели через две после описанного выше разговора с **Меньшагиным** я, будучи снова у него на приёме, не удержался и спросил: «Что слышно о поляках?» **Меньшагин** помедлил, а потом всё же ответил: «С ними уже покончено. Фон-Швец сказал мне, что они расстреляны где-то недалеко от Смоленска».

«Видя мою растерянность, **Меньшагин** снова предупредил меня о необходимости держать это дело в строжайшем секрете и затем стал «объяснять» мне линию поведения немцев в этом вопросе. Он сказал, что расстрел поляков является звеном в общей цепи проводимой Германией антипольской политики, особенно обострившейся в связи с заключением русско-польского договора».

Базилевский также рассказал Специальной Комиссии о своей беседе с зондерфюрером 7-го отдела немецкой

34
комендатуры **Гиршфельдом** — прибалтийским немцем, хорошо говорящим по-русски:

«**Гиршфельд** с циничной откровенностью заявил мне, что исторически доказана вредность поляков и их неполноценность, а потому уменьшение населения Польши послужит удобрением почвы и создаст возможность для расширения жизненного пространства Германии». В этой связи **Гиршфельд** с бахвальством рассказывал, что в Польше интеллигенции не осталось совершенно, так как она повешена, расстреляна и заключена в лагери».

Показания **Базилевского** подтверждены опрошенным Специальной Комиссией свидетелем — профессором физики **Ефимовым И. Е.**, которому **Базилевский** тогда же осенью 1941 г. рассказал о своём разговоре с **Меньшагиным**.

Документальным подтверждением показаний **Базилевского** и **Ефимова** являются собственноручные записи **Меньшагина**, сделанные им в своём блокноте.

Этот блокнот, содержащий в себе 17 неполных страниц, был обнаружен в делах Городского Управления Смоленска после его освобождения Красной Армией.

Принадлежность указанного блокнота **Меньшагину** и его почерк удостоверены как показаниями **Базилевского**, хорошо знающего почерк **Меньшагина**, так и графологической экспертизой.

Судя по имеющимся в блокноте датам, его содержание относится к периоду от первых дней августа 1941 года до ноября того же года.

В числе различных заметок по хозяйственным вопросам (о дровах, об электроэнергии, торговле и проч.) имеется ряд записей, сделанных **Меньшагиным**, очевидно, для памяти, как указания немецкой комендатуры Смоленска.

Из этих записей достаточно чётко вырисовывается

круг вопросов, которыми занималось Управление города, как орган, выполнявший все указания немецкого командования.

На первых трёх страницах блокнота подробно изложены порядок организации еврейского «гетто» и система репрессий, которые должны к евреям применяться.

На странице 10-ой, помеченной 15 августа 1941 года, значится:

«Всех бежавших поляков военнопленных задерживать и доставлять в комендатуру».

На странице 15-ой (без даты) записано:

«Ходят ли среди населения слухи о расстреле польских военнопленных в Коз. гор. (Умнову)».

Из первой записи явствует, во-первых, что 15 августа 1941 года военнопленные поляки ещё находились в районе Смоленска и, во-вторых, что они арестовывались немецкими властями.

Вторая запись свидетельствует о том, что немецкое командование, обеспокоенное возможностью проникновения слухов о совершённом им преступлении в среду гражданского населения, специально давало указания о проверке этого своего предположения.

Умнов, который упоминается в записи, был начальником русской полиции Смоленска в первые месяцы его оккупации.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ НЕМЕЦКОЙ ПРОВОКАЦИИ

Зимой 1942—43 гг. общая военная обстановка резко изменилась не в пользу немцев. Военная мощь Советского Союза всё усиливалась, единение СССР с союзниками крепло. Немцы решили пойти на провокацию, используя для этой цели злодеяния, совершённые ими в Катынском лесу, и приписав их органам Советской власти. Этим они рассчитывали поссорить русских с поляками и замести следы своего преступления.

40
Священник села Куприно Смоленского р-на А. П. Оглоблин показал:

«...После Сталинградских событий, когда немцы почувствовали неуверенность, они подняли это дело. Среди населения пошли разговоры, что «немцы свои дела поправляют».

Приступив к подготовке катынской провокации, немцы, в первую очередь, занялись поисками «свидетелей», которые могли бы под воздействием уговоров, подкупа или угроз дать нужные немцам показания.

Внимание немцев привлёк проживавший на своём хуторе ближе всех к даче в «Козьих Горах» крестьянин Киселёв Парфен Гаврилович, 1870 года рождения.

Киселёва вызвали в гестапо ещё в конце 1942 года и, угрожая репрессиями, требовали от него дать вымышленные показания о том, что ему, якобы, известно, как весной 1940 года большевики на даче УНКВД в «Козьих Горах» расстреляли военнопленных поляков.

Об этом Киселёв показал:

«Осенью 1942 года ко мне домой пришли два полицейских и предложили явиться в гестапо на станцию Гнездово. В тот же день я пошёл в гестапо, которое помещалось в двухэтажном доме рядом с железнодорожной станцией. В комнате, куда я зашёл, находились немецкий офицер и переводчик. Немецкий офицер, через переводчика, стал расспрашивать меня — давно ли я проживаю в этом районе, чем занимаюсь и каково моё материальное положение.

Я рассказал ему, что проживаю на хуторе в районе «Козьих Гор» с 1907 года и работаю в своём хозяйстве. О своём материальном положении я сказал, что приходится испытывать трудности, так как сам я в преклонном возрасте, а сыновья на войне.

После непродолжительного разговора на эту тему, офицер заявил, что по имеющимся в гестапо сведе-

ниям, сотрудники НКВД в 1940 году в Катынском лесу на участке «Козьих Гор» расстреляли польских офицеров, и спросил меня — какие я могу дать по этому вопросу показания. Я ответил, что вообще никогда не слыхал, чтобы НКВД производило расстрелы в «Козьих Горах», да и вряд ли это возможно, объяснил я офицеру, так как «Козьи Горы» совершенно открытое многолюдное место и, если бы там расстреливали, то об этом бы знало всё население близлежащих деревень.

Офицер ответил мне, что я всё же должен дать такие показания, так как это, якобы, имело место. За эти показания мне было обещано большое вознаграждение.

Я снова заявил офицеру, что ничего о расстрелах не знаю и что этого вообще не могло быть до войны в нашей местности. Несмотря на это, офицер упорно настаивал, чтобы я дал ложные показания.

После первого разговора, о котором я уже показал, я был вторично вызван в гестапо лишь в феврале 1943 года. К этому времени мне было известно о том, что в гестапо вызывались и другие жители окрестных деревень и что от них также требовали такие показания, как и от меня.

В гестапо тот же офицер и переводчик, у которых я был на первом допросе, опять требовали от меня, чтобы я дал показания о том, что являлся очевидцем расстрела польских офицеров, произведённого, якобы, НКВД в 1940 г. Я снова заявил офицеру гестапо, что это ложь, так как до войны ни о каких расстрелах ничего не слышал и что ложных показаний давать не стану. Но переводчик не стал меня слушать, взял со стола написанный от руки документ и прочитал его. В нём было сказано, что я, Киселёв, проживая на хуторе в районе «Козьих Гор», сам видел, как в 1940 году сотрудники НКВД расстреливали польских офице-

ров. Прочитав этот документ, переводчик предложил мне его подписать. Я отказался это сделать. Тогда переводчик стал понуждать меня к этому бранью и угрозами. Под конец он заявил: «Или вы сейчас же подпишите, или мы вас уничтожим. Выбирайте!»

Испугавшись угроз, я подписал этот документ, решив, что на этом дело кончится.

В дальнейшем, после того как немцы организовали посещение катынских могил различными «делегациями», Киселёва заставили выступить перед прибывшей «польской делегацией».

Киселёв, забыв содержание подписанного в гестапо протокола, спутался и под конец отказался говорить.

Тогда гестапо арестовало Киселёва и, нещадно избивая его в течение полутора месяцев, вновь добилось от него согласия на «публичные выступления».

Об этом Киселёв показал:

«В действительности получилось не так.

Весной 1943 года немцы оповестили о том, что ими в Катынском лесу в районе «Козьих Гор» обнаружены могилы польских офицеров, якобы расстрелянных органами НКВД в 1940 году.

Вскоре после этого ко мне в дом пришёл переводчик гестапо и повёл меня в лес в район «Козьих Гор».

Когда мы вышли из дома и остались вдвоём, переводчик предупредил меня, что я должен сейчас рассказать присутствующим в лесу людям всё в точности, как было изложено в подписанном мною в гестапо документе.

Придя в лес, я увидел разрытые могилы и группу неизвестных мне лиц. Переводчик сказал мне, что это «польские делегаты», прибывшие для осмотра могил.

Когда мы подошли к могилам, «делегаты» на русском языке стали задавать мне различные вопросы по поводу расстрела поляков. Но так как со времени мо-

его вызова в гестапо прошло более месяца, я забыл всё, что было в подписанном мною документе, и стал путаться, а под конец сказал, что ничего о расстреле польских офицеров не знаю.

Немецкий офицер очень разозлился, а переводчик грубо оттащил меня от «делегации» и прогнал.

На следующий день, утром, к моему двору подъехала машина, в которой был офицер гестапо. Разыскав меня во дворе, он объявил, что я арестован, посадил в машину и увёз в Смоленскую тюрьму...

После моего ареста я много раз вызывался на допросы, но меня больше били, чем допрашивали. Первый раз вызвали, сильно избили и обругали, заявляя, что я их подвёл, и потом отправили в камеру.

При следующем вызове мне сказали, что я должен публично заявлять о том, что являюсь очевидцем расстрела польских офицеров большевиками и что до тех пор, пока гестапо не убедится, что я это буду добросовестно делать, я не буду освобождён из тюрьмы. Я заявил офицеру, что лучше буду сидеть в тюрьме, чем говорить людям в глаза ложь. После этого меня сильно избили.

Таких допросов, сопровождавшихся побоями, было несколько, в результате я совершенно обессилел, стал плохо слышать и не мог двигать правой рукой.

Примерно через месяц после моего ареста немецкий офицер вызвал меня и сказал: «Вот видите, Киселёв, к чему привело ваше упрямство. Мы решили казнить вас. Утром повезём в Катынский лес и повесим». Я просил офицера не делать этого, стал убеждать его, что я не подхожу для роли «очевидца» расстрела, так как вообще врать не умею и поэтому снова что-нибудь напутаю. Офицер настаивал на своём. Через несколько минут в кабинет вошли солдаты и начали избивать меня резиновыми дубинками.

42

Не выдержав побоев и истязаний, я дал согласие выступать публично с вымышленным рассказом о расстреле поляков большевиками. После этого я был освобождён из тюрьмы с условием — по первому требованию немцев выступать перед «делегациями» в Катынском лесу...

В каждом случае перед тем, как вести меня в лес к раскопкам могил, переводчик приходил ко мне домой, вызывал во двор, отводил в сторону, чтобы никто не слышал, и в течение получаса заставлял заучивать наизусть всё, что мне нужно будет говорить о якобы имевшем место расстреле НКВД польских офицеров в 1940 году.

Я вспоминаю, что переводчик говорил мне примерно следующее: «Я живу на хуторе в районе «Козьих Гор» недалеко от дачи НКВД. Весной 1940 г. я видел, как свозили в лес поляков и по ночам их там расстреливали». И обязательно нужно было дословно заявить, что «это дело рук НКВД».

После того, как я заучивал то, что мне говорил переводчик, он отводил меня в лес к разрытым могилам и заставлял повторять всё это в присутствии прибывших «делегаций». Мои рассказы строго контролировались и направлялись переводчиком гестапо.

Однажды я выступал перед какой-то «делегацией» и мне задали вопрос: «Видел ли я лично этих поляков до расстрела их большевиками». Я не был подготовлен к такому вопросу и ответил, как было в действительности, т. е. что видел польских военнопленных до начала войны, так как они работали на дорогах. Тогда переводчик грубо оттащил меня в сторону и прогнал домой.

Прошу мне верить, что меня всё время мучила совесть, так как я знал, что в действительности расстрел польских офицеров производился немцами в 1941 году,

но у меня другого выхода не было, так как я постоянно находился под страхом повторного ареста и пыток». Показания **Киселёва П. Г.** о его вызове в гестапо, последующем аресте и избияниях подтверждаются проживающими вместе с ним его женой **Киселёвой** Аксиньей, 1870 года рождения, его сыном **Киселёвым** Василием, 1911 года рождения, и невесткой **Киселёвой** Марией, 1918 года рождения, а также занимающим у **Киселёва** на хуторе комнату дорожным мастером **Сергеевым** Тимофеем Ивановичем, 1901 года рождения.

Увечья, причинённые **Киселёву** в гестапо (повреждение плеча, значительная потеря слуха), подтверждены актом врачебно-медицинского обследования.

В поисках «свидетелей» немцы в дальнейшем заинтересовались работниками железнодорожной станции Гнездово, находящейся в двух с половиной километрах от «Козьих Гор».

На эту станцию весной 1940 года прибывали военнопленные поляки, и немцам, очевидно, хотелось получить соответствующие показания железнодорожников. В этих целях весной 1943 года немцами были вызваны в гестапо бывший начальник станции Гнездово — **Иванов С. В.**, дежурный по станции **Савватеев И. В.** и другие.

Об обстоятельствах своего вызова в гестапо **Иванов С. В.**, 1882 года рождения, показал:

«...Это было в марте 1943 года. Меня допрашивал немецкий офицер в присутствии переводчика. Расспросив меня через переводчика о том, кто я такой и какую должность занимал на станциях Гнездово до оккупации района немцами, офицер спросил меня, известно ли мне о том, что весной 1940 года на станцию Гнездово в нескольких поездах, большими партиями, прибыли военнопленные польские офицеры.

Я сказал, что об этом я знаю.

Тогда офицер спросил меня, известно ли мне, что

43
большевики той же весной 1940 года, вскоре после прибытия польских офицеров, всех их расстреляли в Катынском лесу.

Я ответил, что об этом мне ничего неизвестно и что этого не может быть потому, что прибывших весной 1940 года на станцию Гнездово военнопленных польских офицеров я встречал на протяжении 1940—1941 г.г., вплоть до занятия немцами Смоленска, на дорожно-строительных работах.

Офицер тогда заявил мне, что если германский офицер утверждает, что поляки были расстреляны большевиками, то значит так было на самом деле. «Поэтому», продолжал офицер, «вам нечего бояться, и вы можете со спокойной совестью подписать протокол, что военнопленные польские офицеры были расстреляны большевиками и что вы являлись очевидцем этого».

Я ответил ему, что я старик, мне уже 61 год и на старости лет я не хочу брать греха на душу. Я могу только показать, что военнопленные поляки действительно прибыли на станцию Гнездово весной 1940 года.

Тогда германский офицер стал уговаривать меня дать требуемые показания, обещая в положительном случае перевести меня с должности сторожа на переезде и назначить на должность начальника станции Гнездово, которую я занимал при советской власти, и обеспечить меня материально.

Переводчик подчеркнул, что мои показания, как бывшего железнодорожного служащего станции Гнездово, расположенной ближе всего к Катынскому лесу, чрезвычайно важны для германского командования и что я жалеть не буду, если дам такие показания.

Я понял, что попал в чрезвычайно тяжёлое положение и что меня ожидает печальная участь, но тем не менее я вновь отказался дать германскому офицеру вымышленные показания.

После этого офицер стал на меня кричать, угрожать избиением и расстрелом, заявляя, что я не понимаю собственной выгоды. Однако, я твёрдо стоял на своём.

Тогда переводчик составил короткий протокол на немецком языке на одной странице и рассказал своими словами его содержание.

В этом протоколе был записан, как мне рассказал переводчик, только факт прибытия польских военнопленных на станцию Гнездово. Когда я стал просить, чтобы мои показания были записаны не только на немецком, но и на русском языке, то офицер окончательно вышел из себя, избил меня резиновой палкой и выгнал из помещения...»

Савватеев И. В., 1880 года рождения, показал:

«...В гестапо я показал, что действительно весной 1940 года на ст. Гнездово в нескольких поездах прибывали военнопленные поляки и что они на машинах проследовали дальше, а куда — мне неизвестно. Я также добавил, что этих поляков я позднее встречал неоднократно на шоссе Москва — Минск, производивших небольшими партиями ремонтные работы.

Офицер заявил мне, что я путаю, что я не мог встречать поляков на шоссе, так как они расстреляны большевиками, и требовал, чтобы я именно об этом и показал. Я отказался.

После длительных угроз и уговаривания офицер посоветовался о чём-то с переводчиком на немецком языке, и переводчик тогда написал короткий протокол и дал мне его на подпись, объяснив, что здесь изложено содержание моих показаний. Я попросил переводчика дать мне возможность самому прочесть протокол, но тот оборвал меня бранью и приказал немедленно же подписать его и убираться вон. Я помедлил минуту, переводчик схватил висевшую на стене резиновую дубинку и замахнулся на меня. После этого я подписал

41
подсунутый мне протокол. Переводчик сказал, чтобы я убирался домой и никому не болтал, иначе меня расстреляют...»

Поиски «свидетелей» не ограничились названными лицами. Немцы настойчиво старались разыскать бывших сотрудников НКВД и заставить их дать нужные для них ложные показания.

Случайно арестовав бывшего рабочего гаража УНКВД Смоленской области **Игнатюк Е. Л.**, немцы упорно путём угроз и избиений добивались от него дать показания о том, что он, якобы, являлся не рабочим гаража, а шофёром и лачно возил на расстрел военнопленных поляков.

По этому вопросу **Игнатюк Е. Л.**, 1903 года рождения, показал:

«Когда я был в первый раз на допросе у начальника полиции **Алферчика**, он, обвиняя меня в агитации против немецких властей, спросил, кем я работал в НКВД. Я ему ответил, что я работал в гараже Управления НКВД Смоленской области в качестве рабочего. **Алферчик** на этом же допросе стал от меня добиваться, чтобы я ему дал показания о том, что я работал в Управлении НКВД не рабочим гаража, а шофёром.

Алферчик, не получив от меня нужных показаний, был сильно раздражён и вместе со своим адъютантом, которого он называл **Жорж**, завязали мне голову и рот какой-то тряпкой, сняли с меня брюки, положили на стол и начали бить резиновыми палками.

После этого меня опять вызвали на допрос, и **Алферчик** требовал от меня, чтобы я дал ему ложные показания о том, что польских офицеров в Катынском лесу расстреляли органы НКВД в 1940 году, о чём мне, якобы, как шофёру, участвовавшему в перевозке польских офицеров в Катынский лес и присутствовавшему при их расстреле, известно. При моём согласии

45
дать такие показания, **Алферчик** обещал освободить меня из тюрьмы и устроить на работу в полицию, где мне будут созданы хорошие условия жизни, в противном же случае они меня расстреляют...

Последний раз меня в полиции допрашивал следователь **Александров**, который требовал от меня таких же ложных показаний о расстреле польских офицеров, как и **Алферчик**, но и у него на допросе я отказался давать вымышленные показания.

После этого допроса меня опять избили и отправили в гестапо...

...В гестапо от меня требовали так же, как и в полиции, ложных показаний о расстреле польских офицеров в Катынском лесу в 1940 году советскими властями, о чём мне, как шофёру, якобы, известно».

В изданной германским Министерством иностранных дел книге, в которой были помещены сфабрикованные немцами материалы по «Катынскому делу», кроме упомянутого выше **Киселёва П. Г.**, были названы в качестве «свидетелей» **Годезов** (он же **Годунов**), 1877 года рождения, **Сильверстов Григорий**, 1891 года рождения, **Андреев Иван**, 1917 года рождения, **Жигулёв Михаил**, 1915 года рождения, **Кривозерцев Иван**, 1915 года рождения, и **Захаров Матвей**, 1893 года рождения.

Проверкой установлено, что первые двое из перечисленных выше (**Годезов** и **Сильверстов**) умерли в 1943 г. до освобождения Смоленской области Красной Армией; следующие трое (**Андреев**, **Жигулёв** и **Кривозерцев**) ушли с немцами, а может быть, были ими увезены насильно, а последний — **Захаров Матвей** — бывший сцепщик на станции Смоленск, работавший при немцах старостой в дер. Новые Батеки, был разыскан и допрошен Специальной Комиссией.)

Захаров рассказал, каким способом немцы получили у

него нужные им ложные показания по «Катынскому делу»:

«В начале марта 1943 года, — показал **Захаров**, — ко мне на квартиру пришёл сотрудник Гнездовского гестапо, фамилии его я не знаю, и сказал, что меня вызывает офицер.

Когда я пришёл в гестапо, немецкий офицер через переводчика заявил мне: «Нам известно, что вы работали сцепщиком на ст. Смоленск-центральная и должны показать, что в 1940 году через Смоленск направлялись вагоны с военнопленными поляками на станцию Гнездово, после чего поляки были расстреляны в лесу у «Козьих Гор».

В ответ на это я заявил, что вагоны с поляками в 1940 году действительно проходили через Смоленск по направлению на запад, но где была станция назначения — я не знаю...

Офицер сказал мне, что если я по-хорошему не желаю дать показания, то он заставит сделать это по принуждению. После этих слов он взял резиновую дубинку и начал меня избивать. Затем меня положили на скамейку, и офицер вместе с переводчиком били меня. Сколько было нанесено ударов, я не помню, т. к. вскоре потерял сознание.

Когда я пришёл в себя, офицер потребовал от меня подписать протокол допроса, и я, смалодушничав, под воздействием побоев и угроз расстрела, дал ложные показания и подписал протокол. После подписания протокола я был из гестапо отпущен...

Через несколько дней после моего вызова в гестапо, примерно в середине марта 1943 года, ко мне на квартиру пришёл переводчик и сказал, что я должен пойти к немецкому генералу и подтвердить там свои показания.

Когда мы пришли к генералу, он спросил у меня —

41

подтверждаю ли я свои показания. Я сказал, что подтверждаю, т. к. ещё в пути был предупреждён переводчиком, что если я откажусь подтвердить показания, то испытаю ещё гораздо худшее, чем испытал в первый раз в гестапо.

Боясь повторения пыток, я ответил, что свои показания подтверждаю. Потом переводчик приказал мне поднять вверх правую руку и сказал мне, что я принял присягу и могу идти домой».

Установлено, что немцы пытались получить нужные им показания, применяя уговоры, угрозы и истязания, и от других лиц, в частности от бывшего помощника начальника Смоленской тюрьмы **Каверзнева Н. С.**, бывшего работника той же тюрьмы **Ковалёва В. Г.** и других.

Так как поиски нужного количества свидетелей не увенчались успехом, немцы расклеили в г. Смоленске и окрестных деревнях следующую листовку, подлинный экземпляр которой имеется в материалах Специальной Комиссии:

Обращение к населению

Кто может дать данные про массовое убийство, совершённое большевиками в 1940 году над пленными польскими офицерами и священниками в лесу Козьи горы около шоссе Гнездово — Катын?

Кто наблюдал автотранспорты от Гнездова в Козьи горы или

кто видел или слышал расстрелы? Кто знает жителей, которые могут рассказать об этом?

Каждое сообщение вознаграждается.

Сообщения направлять в Смоленск в немецкую полицию, Музейная улица 6, в Гнездово, в немецкую полицию дом № 105 у вокзала.

Фосс

лейтенант полевой полиции

3 май 1943 г.

Такое же объявление было помещено в издававшейся немцами в Смоленске газете «Новый путь» (№ 35 (157) от 6 мая 1943 г.).

О том, что немцы сулили награду за дачу нужных им показаний по «Катынскому делу», заявили опрошенные Специальной Комиссией свидетели — жители гор. Смоленска: **Соколова О. Е.**, **Пушина Е. А.**, **Бычков И. И.**, **Бондарёв Г. Т.**, **Устинов Е. П.** и многие др.

ОБРАБОТКА КАТЫНСКИХ МОГИЛ

Наряду с поисками «свидетелей», немцы приступили к соответствующей подготовке могил в Катынском лесу: к изъятию из одежды убитых ими польских военнопленных всех документов, помеченных датами позднее апреля 1940 года, т. е. времени, когда, согласно немецкой провокационной версии, поляки были расстреляны большевиками; к удалению всех вещественных доказательств, могущих опровергнуть ту же провокационную версию.

Расследованием Специальной Комиссии установлено, что для этой цели немцами были использованы русские военнопленные числом до 500 человек, специально отобранные из лагеря военнопленных № 126.

Специальная Комиссия располагает многочисленными свидетельскими показаниями по этому вопросу.

Из них особого внимания заслуживают показания врачебного персонала упомянутого лагеря.

Врач **Чижев А. Т.**, работавший в лагере № 126 в дни оккупации немцами Смоленска, показал:

«...Примерно в начале марта месяца 1943 года из Смоленского лагеря военнопленных № 126, из числа более физически крепких пленных, отобрано было несколько партий, общим количеством до 500 человек, для направления, якобы, на окопные работы. Впоследствии никто из этих пленных в лагерь не вернулся».

Врач Хмыров В. А., также работавший при немцах в том же лагере, показал:

«Мне известно, что примерно во второй половине февраля месяца или начале марта 1943 г. из нашего лагеря было отправлено в неизвестном мне направлении около 500 человек военнопленных красноармейцев. Отправка этих пленных производилась, якобы, на окопные работы, почему и отбирались физически полноценные люди...»

Тожественные показания дали: медсестра **Леньковская О. Г.**, медсестра **Тимофеева А. И.**, свидетельницы **Орлова П. М.**, **Добросердова Е. Г.** и свидетель **Кочетков В. С.**

Куда на самом деле были направлены 500 советских военнопленных из лагеря № 126, явствует из показаний свидетельницы **Московской А. М.**

Гр-ка **Московская Александра Михайловна**, проживавшая на окраине гор. Смоленска и работавшая в период оккупации на кухне в одной из немецких воинских частей, подала 5 октября 1943 г. заявление в Чрезвычайную Комиссию по расследованию зверств немецких оккупантов с просьбой вызвать её для дачи важных показаний.

Будучи вызвана, она рассказала Специальной Комиссии, что в марте месяце 1943 года перед уходом на работу, зайдя за дровами в свой сарай, находившийся во дворе у берега Днепра, она нашла в нём неизвестного человека, который оказался русским военнопленным.

Московская А. М., 1922 года рождения, показала:

«...Из разговора с ним я узнала следующее:

Его фамилия **Егоров**, зовут **Николай**, ленинградец. С конца 1941 года он всё время содержался в немецком лагере для военнопленных № 126 в городе Смоленске. В начале марта 1943 года он с колонной военнопленных в несколько сот человек был направлен

из лагеря в **Катынский лес**. Там их, в том числе и **Егорова**, заставляли раскапывать могилы, в которых были трупы в форме польских офицеров, вытаскивать эти трупы из ям и выбирать из их карманов документы, письма, фотокарточки и все другие вещи. Со стороны немцев был строжайший приказ, чтобы в карманах трупов ничего не оставлять. Два военнопленных были расстреляны за то, что после того, как они обыскали трупы, немецкий офицер у этих трупов обнаружил какие-то бумаги.

Извлекаемые из одежды, в которую были одеты трупы, вещи, документы и письма просматривали немецкие офицеры, затем заставляли пленных часть бумаг класть обратно в карманы трупов, остальные бросали в кучу изъятых таким образом вещей и документов, которые потом сжигались.

Кроме того, в карманы трупов польских офицеров немцы заставляли вкладывать какие-то бумаги, которые они доставали из привезённых с собой ящиков или чемоданов (точно не помню).

Все военнопленные жили на территории **Катынского леса** в ужасных условиях, под открытым небом и усиленно охранялись...

В начале апреля месяца 1943 года все работы, намеченные немцами, видимо, были закончены, так как 3 дня никого из военнопленных не заставляли работать...

Вдруг ночью их всех без исключения подняли и куда-то повели. Охрана была усилена. **Егоров** заподозрил что-то неладное и стал с особым вниманием следить за всем тем, что происходило. Шли они часа 3—4 в неизвестном направлении. Остановились в лесу на какой-то полянке у ямы. Он увидел, как группу военнопленных отделили от общей массы, погнали к яме, а затем стали расстреливать.

48

Военнопленные заволновались, зашумели, задвигались. Недалеко от **Егорова** несколько человек военнопленных набросились на охрану, другие охранники побежали к этому месту. **Егоров** воспользовался этим моментом замешательства и бросился бежать в темноту леса, слыша за собой крики и выстрелы.

После этого страшного рассказа, который врезался в мою память на всю жизнь, мне **Егорова** стало очень жаль и я просила его зайти ко мне в комнату отогреться и скрываться у меня до тех пор, пока он не наберётся сил. Но **Егоров** не согласился... Он сказал, что во что бы то ни стало сегодня ночью уйдёт и постарается пробраться через линию фронта к частям Красной Армии.

Но в этот вечер **Егоров** не ушёл. Наутро, когда я пошла проверить, он оказался в сарае. Как выяснилось, ночью он пытался уйти, но после того, как прошёл шагов пятьдесят, почувствовал такую слабость, что вынужден был возвратиться. Видимо, сказалось длительное истощение в лагере и голод последних дней. Мы решили, что он ещё день — два побудет у меня с тем, чтобы окрепнуть. Накормив **Егорова**, я ушла на работу.

Когда вечером я возвратилась домой, мои соседки — **Баранова Мария Ивановна** и **Кабановская Екатерина Викторовна** сообщили мне, что днём во время облавы немецкими полицейскими в моём сарае был обнаружен пленный красноармеец, которого они увели с собой».

В связи с обнаружением в сарае **Московской** военнопленного **Егорова** она вызывалась в гестапо, где её обвиняли в укрывательстве военнопленного.

Московская на допросах в гестапо упорно отрицала какое-либо отношение к этому военнопленному, утверждая, что о нахождении его в сарае, принадлежавшем ей, она ничего не знает. Не добившись признания от **Московской**, я также и потому, что военнопленный **Егоров**,

видимо, **Московскую** не выдал, она была выпущена из гестапо.

Тот же **Егоров** рассказал **Московской**, что часть военнопленных, работавших в Катынском лесу, помимо выкапывания трупов, занималась привозом в Катынский лес трупов из других мест. Привезённые трупы сваливались в ямы вместе с выкопанными ранее трупами.

Факт доставки в катынские могилы в большом количестве трупов расстрелянных немцами в других местах подтверждается также показаниями инженера-механика **Сухачёва П. Ф.**

Сухачёв П. Ф., 1912 года рождения, инженер-механик системы «Росглавхлеб», работавший при немцах машинистом на Смоленской городской мельнице, подал 8 октября 1943 года заявление с просьбой о вызове.

Будучи вызван Специальной Комиссией, он показал:

«...Как-то раз на мельнице во второй половине марта месяца 1943 года я заговорил с немецким шофёром, немного владевшим русским языком. Выяснив у него, что он везёт муку в деревню Савенки для воинской части и на другой день возвращается в Смоленск, я попросил его захватить меня с собой, дабы иметь возможность купить в деревне жировые продукты. При этом я учитывал, что проезд на немецкой машине для меня исключал риск быть задержанным на пропускном пункте. Немецкий шофёр согласился за плату. В тот же день, в десятом часу вечера, мы выехали на шоссе Смоленск — Витебск. Нас в машине было двое — я и немец-шофёр. Ночь была светлая, лунная, однако устилавший дорогу туман несколько снижал видимость. Примерно на 22—23 километре от Смоленска, у разрушенного мостика на шоссе, был устроен объезд с довольно крутым спуском. Мы стали уже спускаться с шоссе на объезд, как нам навстречу из тумана внезапно показалась грузовая машина. То ли от того, что

49

тормоза у нашей машины были не в порядке, то ли от неопытности шофёра, но мы не сумели затормозить нашу машину и вследствие того, что объезд был довольно узкий, столкнулись с шедшей навстречу машиной. Столкновение было не сильным, так как шофёр встречной машины успел взять в сторону, вследствие чего произошёл скользкий удар боковых сторон машин. Однако, встречная машина, попав правым колесом в канаву, свалилась одним боком на косогор. Наша машина осталась на колёсах. Я и шофёр немедленно выскочили из кабинки и подошли к свалившейся машине. Меня поразил сильный трупный запах, очевидно, шедший от машины. Подойдя ближе, я увидел, что машина была заполнена грузом, покрытым сверху брезентом, затянутым верёвками. От удара верёвки лопнули, и часть груза вывалилась на косогор. Это был страшный груз. Это были трупы людей, одетых в военную форму.

Около машины находилось, насколько я помню, человек 6—7, из них один немец-шофёр, два вооружённых автоматами немца, а остальные были русскими военнопленными, так как говорили по-русски и одеты были соответствующим образом.

Немцы с руганью набросились на моего шофёра, затем предприняли попытки поставить машину на колёса. Минуты через две к месту аварии подъехали ещё две грузовых машины и остановились. С этих машин к нам подошла группа немцев и русских военнопленных, всего человек 10. Общими усилиями все стали поднимать машину. Воспользовавшись удобным моментом, я тихо спросил одного из русских военнопленных: «Что это такое?» Тот также тихо мне ответил: «Которую уж ночь возим трупы в Катинский лес».

Свалившаяся машина ещё не была поднята, как ко мне и моему шофёру подошёл немецкий унтер-офицер и отдал приказание нам немедленно ехать дальше. Так

как на нашей машине никаких серьёзных повреждений не было, то шофёр, отведя её немного в сторону, выбрался на шоссе, и мы поехали дальше.

Проезжая мимо подошедших позднее двух машин, крытых брезентом, я также почувствовал страшный трупный запах».

Показания **Сухачёва** подтверждаются показаниями **Егорова** Владимира Афанасьевича, состоявшего в период оккупации на службе в полиции в качестве полицейского.

Егоров показал, что, неся по роду своей службы охрану моста на перекрёстке шоссе на дороги Москва — Минск и Смоленск — Витебск, он несколько раз ночью в конце марта и в первые дни апреля 1943 года наблюдал, как по направлению к Смоленску проезжали большие грузовые машины, крытые брезентом, от которых шёл сильный трупный запах. В кабинках машин и сзади поверх брезента сидело по несколько человек, из которых некоторые были вооружены и, несомненно, являлись немцами.

О своих наблюдениях **Егоров** доложил начальнику полицейского участка в деревне Архиповка **Головневу** Кузьме Демьяновичу, который посоветовал ему «держаться за зубами» и добавил: «Это нас не касается, нечего нам путаться в немецкие дела».

О том, что немцы перевозили трупы на грузовых машинах в Катинский лес, дал также показания **Яковлев-Соколов** Флор Максимович, 1896 года рождения, бывший агент по снабжению столовых Смоленского треста столовых, а при немцах — начальник полиции Катинского участка.

Он показал, что лично видел один раз в начале апреля 1943 года, как с шоссе в Катинский лес прошли четыре крытых брезентом грузовых автомашины, в которых си-

дело несколько человек, вооружённых автоматами и винтовками. От этих машин шёл резкий трупный запах.

Из приведённых свидетельских показаний со всей ясностью можно заключить, что немцы расстреливали поляков и в других местах. Свозя их трупы в Катынский лес, они преследовали троякую цель: во-первых, уничтожить следы своих собственных злодеяний; во-вторых, свалить свои преступления на Советскую власть; в-третьих, увеличить количество «большевистских жертв» в могилах Катынского леса.

«ЭКСКУРСИИ» НА КАТЫНСКИЕ МОГИЛЫ

В апреле месяце 1943 года, закончив все подготовительные работы на могилах в Катынском лесу, немецкие оккупанты приступили к широкой агитации в печати и по радио, пытаясь приписать Советской власти зверства, совершённые ими самими над военнопленными поляками. В качестве одного из методов этой провокационной агитации немцы организовали посещения катынских могил жителями Смоленска и его окрестностей, а также и «делегациями» из стран, оккупированных немецкими захватчиками, или находящихся в вассальной зависимости от них.

Специальная Комиссия опросила ряд свидетелей, участвовавших в «экскурсиях» на катынские могилы.

Свидетель **Зубков К. П.**, врач патологоанатом, работавший в качестве судебно-медицинского эксперта в Смоленске, показал Специальной Комиссии:

«...Одежда трупов, особенно шинели, сапоги и ремни, была довольно хорошо сохранившейся. Металлические части одежды — пряжки ремней, пуговицы, крючки, шипы на ботинках и прочее имели не резко выраженную ржавчину и в некоторых случаях местами сохраняли блеск металла. Доступные осмотру ткани тела трупов — лица, шеи, руки имели преимущественно грязный зеленоватый цвет, в отдельных случаях

50
грязнокоричневый, но полного разрушения тканей, гниения не было. В отдельных случаях были видны обнажённые сухожилия белесоватого цвета и часть мышц. Во время моего пребывания на раскопках на дне большой ямы работали люди по разборке и извлечению трупов. Для этого они применяли лопаты и другие инструменты, а также брали трупы руками, перетаскивали их за руки, за ноги и одежду с места на место. Ни в одном случае не приходилось наблюдать, чтобы трупы распадались, или чтобы отрывались у них отдельные части.

Учитывая всё вышеизложенное, я пришёл к выводу, что давность пребывания трупов в земле — не три года, как утверждали немцы, а значительно меньше. Зная, что в массовых могилах гниение трупов протекает быстрее, чем в одиночных и тем более без гробов, я пришёл к выводу, что массовый расстрел поляков был произведён около полутора лет тому назад и может относиться к осени 1941 г. или весне 1942 г. В результате посещения раскопок, я твёрдо убедился, что совершённое чудовищное злодеяние — дело рук немцев».

Показания о том, что одежда трупов, её металлические части, обувь, а также сами трупы хорошо сохранились, дали допрошенные Специальной Комиссией многочисленные свидетели, участвовавшие в «экскурсиях» на катынские могилы, в том числе: заведующий Смоленской водопроводной сетью **Куцев И. З.**, учительница катынской школы **Ветрова Е. Н.**, телефонистка Смоленского отделения связи **Щедрова Н. Г.**, житель дер. Борок **Алексеев М. А.**, житель дер. Новые Батеки **Кривозерцев Н. Г.**, дежурный по ст. Гнездово **Савватеев И. В.**, гражданка Смоленска **Пушина Е. А.**, врач 2-й Смоленской больницы **Сидорук Т. А.**, врач той же больницы **Кесарев П. М.**, и др.

ПОПЫТКИ НЕМЦЕВ ЗАМЕСТИ СЛЕДЫ СВОИХ ЗЛОДЕЯНИЙ

Организованные немцами «экскурсии» не достигали своей цели. Все побывавшие на могилах убеждались в том, что перед ними налицо самая грубая и явная немецко-фашистская провокация. Поэтому со стороны немецких властей принимались меры к тому, чтобы заставить сомневающийся молчать.

Специальная Комиссия располагает показаниями целого ряда свидетелей, которые рассказали о том, как преследовали немецкие власти тех, кто сомневался, или не верил в провокацию. Их увольняли со службы, арестовывали, угрожали расстрелом. Комиссия установила два случая расстрела за неумение «держат язык на привязи»: такая расправа была учинена над бывшим немецким полицейским **Загайновым** и над **Егоровым А. М.**, работавшим на раскопках могил в Катынском лесу.

Показания о преследовании немцами людей, выражавших свои сомнения после посещения могил в Катынском лесу, дали: уборщица аптеки № 1 Смоленска **Зубарёва М. С.**, помощник санитарного врача Сталинского райздравотдела Смоленска **Козлова В. Ф.** и другие.

Быв. нач. полиции катынского участка **Яковлев-Соколов Ф. М.** показал:

«Создалась обстановка, вызывавшая серьёзную тревогу в немецкой комендатуре, и на места полицейским аппаратам срочно были даны указания, во что бы то ни стало пресечь все вредные разговоры и арестовать всех лиц, высказывающих неверие в «катынское дело».

Мне лично, как нач. участковой полиции, такие указания дали: в конце мая 1943 г. немецкий комендант с. Катынь обер-лейтенант **Браунг** и в начале июня — нач. Смоленской районной полиции **Каменецкий**.

Я созвал инструктивное совещание полицейских своего участка, на котором предложил задерживать и до-

51
ставлять в полицию каждого высказывающего неверие и сомневающегося в правдоподобии сообщений немцев о расстреле большевиками польских военнопленных.

Выполняя эти указания немецких властей, я явно кривил душой, так как сам был уверен, что «катынское дело» — немецкая провокация. Полностью я убедился в этом, когда лично побывал на «экскурсии» в Катынском лесу».

Видя, что «экскурсии» местного населения на катынские могилы не достигают цели, немецкие оккупационные власти летом 1943 г. распорядились зарыть эти могилы.

Перед своим отступлением из Смоленска немецкие оккупационные власти стали наспех заматывать следы своих злодеяний. Дача, которую занимал «штаб 537 строительного батальона», была сожжена до тла. Трёх девушек — **Алексееву, Михайлову** и **Конаховскую** немцы разыскивали в дер. Борок, чтобы увезти с собой, а может быть, и уничтожить. Разыскивали немцы и своего главного «свидетеля» — **Киселёва П. Г.**, но тот вместе со своей семьёй успел скрыться. Немцы сожгли его дом.

Немцы старались схватить и других «свидетелей» — б. начальника станции Гнездово **Иванова С. В.** и б. дежурного по этой станции **Савватеева И. В.**, а также б. сцепщика ст. Смоленск **Захарова М. Д.**

В самые последние дни перед отступлением из Смоленска немецко-фашистские оккупанты искали профессоров **Базилевского** и **Ефимова**. Обоим удалось избежать увода или смерти лишь потому, что они заблаговременно скрылись.

Однако, замести следы и скрыть свои преступления немецко-фашистским захватчикам не удалось.

Произведённая судебно-медицинская экспертиза эксгумированных трупов с неопровержимой ясностью доказы-

вает, что расстрел военнопленных поляков был произведён самими немцами.

Ниже приводится акт судебно-медицинской экспертизы.

АКТ СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

По указанию Специальной Комиссии по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу (близ гор. Смоленска) военнопленных польских офицеров, судебно-медицинская экспертная комиссия в составе:

Главного судебно-медицинского эксперта Наркомздрава СССР, директора Государственного Научно-Исследовательского института судебной медицины Наркомздрава СССР — **В. И. Прозоровского**;

Профессора судебной медицины 2-го Московского Государственного медицинского института, доктора медицинских наук — **В. М. Смольянинова**;

Профессора патологической анатомии, доктора медицинских наук — **Д. Н. Выропаева**;

Старшего научного сотрудника Танатологического отделения Государственного Научно-Исследовательского института судебной медицины Наркомздрава СССР, доктора **П. С. Семеновского**;

Старшего научного сотрудника Судебно-Химического отделения Государственного Научно-Исследовательского института судебной медицины Наркомздрава СССР, доцента **М. Д. Швайковой**;

при участии:

Главного судебно-медицинского эксперта Западного фронта, майора медицинской службы **Никольского**;

Судебно-медицинского эксперта Н... армии, капитана медицинской службы **Бусоедова**;

Начальника Патолого-анатомической лаборатории 92, майора медицинской службы — **Субботина**;

Майора медицинской службы **Оглоблина**;

Врача-специалиста, старшего лейтенанта медицинской службы **Садыкова**;

Старшего лейтенанта медицинской службы **Пушкарёвой**;

в период с 16-го по 23-е января 1944 г. произвела эксгумацию и судебно-медицинское исследование трупов польских военнопленных, погребённых в могилах на территории «Козьи Горы» в Катынском лесу, в 15-ти километрах от гор. Смоленска. Трупы польских военнопленных были погребены в общей могиле размером около $60 \times 60 \times 3$ метра и, кроме того, в отдельной могиле размером около $7 \times 6 \times 3,5$ метра. Из могил эксгумировано и исследовано 925 трупов.

Эксгумация и судебно-медицинское исследование трупов произведены для установления:

- а) личности покойных;
- б) причины смерти;
- в) давности погребения.

Обстоятельства дела: см. материалы Специальной Комиссии.

Объективные данные: см. протоколы судебно-медицинских исследований трупов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Судебно-медицинская экспертная комиссия, основываясь на результатах судебно-медицинских исследований трупов, приходит к следующему заключению:

По раскрытии могил и извлечении трупов из них установлено:

- а) среди массы трупов польских военнопленных находятся трупы в гражданской одежде, количество их по отношению к общему числу исследованных трупов незначительно (всего 2 на 925 извлечённых трупов); на трупах были надеты ботинки военного образца;

б) одежда на трупах военнопленных свидетельствует об их принадлежности к офицерскому и частично к рядовому составу польской армии;

в) обнаруженные при осмотре одежды разрезы карманов и сапог, вывороченные карманы и разрывы их показывают, что вся одежда на каждом трупе (шинель, брюки и др.), как правило, носит на себе следы обыска, произведённого на трупах;

г) в некоторых случаях при осмотре одежды отмечена целостность карманов. В этих карманах, а также в разрезанных и разорванных карманах, под подкладкой мундиров, в поясах брюк, в портянках и носках найдены обрывки газет, брошюры, молитвенники, почтовые марки, открытые и закрытые письма, квитанции, записки и другие документы, а также ценности (слиток золота, золотые доллары), трубки, перочинные ножи, курительная бумага, носовые платки и др.;

д) на части документов (даже без специальных исследований) при осмотре их констатированы даты, относящиеся к периоду от 12 ноября 1940 г. до 20 июня 1941 г.;

е) ткань одежды, особенно шинелей, мундиров, брюк и верхних рубашек, хорошо сохранилась и с очень большим трудом поддаётся разрыву руками;

ж) у очень небольшой части трупов (20 из 925) руки оказались связанными позади туловища с помощью белых плетёных шнуров.

Состояние одежды на трупах, именно тот факт, что мундиры, рубашки, поясные ремни, брюки и кальсоны застёгнуты; сапоги или ботинки надеты; шарфы и галстуки повязаны вокруг шеи, помочи пристёгнуты, рубашки заправлены в брюки — свидетельствует, что наружного осмотра туловища и конечностей трупов ранее не производилось.

Сохранность кожных покровов на голове и отсутствие

на них, а также на покровах груди и живота (кроме трёх случаев из 925) каких бы то ни было надразов, разрезов и других признаков экспертной деятельности указывает, что судебно-медицинского исследования трупов не производилось, судя по эксгумированным судебно-медицинской экспертной комиссией трупам.

Наружный и внутренний осмотры 925 трупов дают основания утверждать наличие огнестрельных ранений головы и шеи, в четырёх случаях сочетавшихся с повреждением костей свода черепа тупым, твёрдым, тяжёлым предметом. Кроме того, в незначительном количестве случаев обнаружено повреждение живота при одновременном ранении головы.

Входные отверстия огнестрельных ранений, как правило, единичные, реже — двойные, расположены в затылочной области головы вблизи от затылочного бугра, большого затылочного отверстия или на его краю. В небольшом числе случаев входные огнестрельные отверстия найдены на задней поверхности шеи, соответственно 1, 2, 3 шейным позвонкам.

Выходные отверстия обнаружены чаще всего в лобной области, реже — в теменных и височных областях, а также на лице и шее. В 27 случаях огнестрельные ранения оказались слепыми (без выходных отверстий) и в конце пулевых каналов, под мягкими покровами черепа, в его костях, в оболочках и веществе мозга найдены деформированные, слабдеформированные и вовсе недеформированные оболочечные пули, применяемые при стрельбе из автоматических пистолетов, преимущественно калибра 7,65 мм.

Размеры входных отверстий на затылочной кости допускают вывод, что при расстрелах было употреблено огнестрельное оружие двух калибров: в подавляющем большинстве случаев — менее 8 мм, т. е. 7,65 мм и менее; в меньшем числе — свыше 8 мм, т. е. 9 мм.

Характер трещин костей черепа и обнаружение в некоторых случаях пороховых остатков у входного отверстия говорит о том, что выстрелы были произведены в упор или почти в упор.

Взаиморасположение входных и выходных отверстий показывает, что выстрелы производились сзади, при наклонённой вперёд голове. При этом пулевой канал проходил через жизненно важные отделы головного мозга или вблизи от них и разрушение ткани мозга являлось причиной смерти.

Обнаруженные на костях свода черепа повреждения тупым, твёрдым, тяжёлым предметом сопутствовали огнестрельным ранениям головы и сами по себе причиной смерти не служили.

Судебно-медицинские исследования трупов, произведённые в период с 16 по 23 января 1944 г., свидетельствуют о том, что совершенно не имеется трупов в состоянии гнилостного распада или разрушения и что все 925 трупов находятся в сохранности — в начальной стадии потери трупом влаги (что наиболее часто и резко было выражено в области груди и живота, иногда и на конечностях; в начальной стадии жировоска; в резкой степени жировоска у трупов, извлечённых со дна могил); в сочетании обезвоживания тканей трупа и образования жировоска.

Заслуживает особого внимания то обстоятельство, что мышцы туловища и конечностей совершенно сохранили свою макроскопическую структуру и свой почти обычный цвет; внутренние органы грудной и брюшной полости сохранили свою конфигурацию, в целом ряде случаев мышца сердца на разрезах имела ясно различимое строение и присущую ей окраску, а головной мозг представлял характерные структурные особенности с отчётливо выраженной границей серого и белого вещества. Кроме макроскопического исследования тканей и органов тру-

па, судебно-медицинской экспертизой изъят соответствующий материал для последующих микроскопических и химических исследований в лабораторных условиях.

В сохранении тканей и органов трупов имели известное значение свойства почвы на месте обнаружения.

По раскрытии могил и изъятии трупов и пребывания их на воздухе они подвергались действию тепла и влаги в весенне-летнее время 1943 г. Это могло оказать влияние на резкое развитие процесса разложения трупов.

Однако степень обезвоживания трупов и образования в них жировоска, особо хорошая сохранность мышц и внутренних органов, а также и одежды дают основания утверждать, что трупы находились в почве недолгое время.

Сопоставляя же состояние трупов в могилах на территории «Козьи Горы» с состоянием трупов в других местах захоронения в г. Смоленске и его ближайших окрестностях — в Геденовке, Магаленщине, Реадовке, лагере № 126, Красном бору и т. д. (см. акт суд. мед. экспертизы от 22-го октября 1943 г.), надлежит признать, что погребение трупов польских военнопленных на территории «Козьи Горы» произведено около 2-х лет тому назад. Это находит своё полное подтверждение в обнаружении в одежде на трупах документов, исключающих более ранние сроки погребения (см. пункт «д» ст. 36 и опись документов).

Судебно-медицинская экспертная комиссия на основе данных и результатов исследований —

считает установленным акт умерщвления путём расстрела военнопленных офицерского и частично рядового состава польской армии;

утверждает, что этот расстрел относится к периоду около 2-х лет тому назад, т. е. между сентябрём — декабрём 1941 г.;

усматривает в факте обнаружения судебно-медицинской экспертной комиссией в одежде трупов ценностей и

документов, имеющих дату 1941 г. — доказательство того, что немецко-фашистские власти, предпринявшие в весенне-летнее время 1943 г. обыск трупов, произвели его не тщательно, а обнаруженные документы свидетельствуют о том, что расстрел произведён после июня 1941 г.;

констатирует, что в 1943 г. немцами произведено крайне ничтожное число вскрытий трупов расстрелянных польских военнопленных;

отмечает полную идентичность метода расстрела польских военнопленных со способом расстрелов мирных советских граждан и советских военнопленных, широко практиковавшимся немецко-фашистскими властями на временно оккупированной территории СССР, в том числе в городах — Смоленске, Орле, Харькове, Краснодаре, Воронеже.

Главный судебно-медицинский эксперт Наркомздрава СССР, директор Государственного научно-исследовательского института судебной медицины

Наркомздрава СССР — В. И. ПРОЗОРОВСКИЙ.

Профессор судебной медицины 2-го Московского государственного медицинского института, доктор медицинских наук — В. М. СМОЛЯНИНОВ.

Профессор патологической анатомии, доктор медицинских наук — Д. Н. ВЫРОПАЕВ.

Старший научный сотрудник танатологического отделения Государственного научно-исследовательского института судебной медицины НКЗ СССР,

доктор — П. С. СЕМЕНОВСКИЙ.

Старший научный сотрудник судебно-химического отделения Государственного научно-исследовательского института судебной медицины НКЗ СССР, доцент — М. Д. ШВАЙКОВА.

Смоленск. 24 января 1944 г.

ДОКУМЕНТЫ, НАЙДЕННЫЕ НА ТРУПАХ

Кроме данных, зафиксированных в акте судебно-медицинской экспертизы, время расстрела немцами военнопленных польских офицеров (осень 1941 г., а не весна 1940 г., как утверждают немцы) устанавливается также и обнаруженными при вскрытии могил документами, относящимися не только ко второй половине 1940 г., но и к весне и лету (март — июнь) 1941 г.

Из обнаруженных судебно-медицинскими экспертами документов заслуживают особого внимания следующие:

1. На трупе № 92:

Письмо из Варшавы, адресованное Красному Кресту в Центральное Бюро военнопленных — Москва, ул. Куйбышева, 12. Письмо написано на русском языке. В этом письме Софья Зигонь просит сообщить местопребывание её мужа Томаша Зигоня. Письмо датировано 12.IX—40 г. На конверте имеется немецкий почтовый штамп — «Варшава, IX—40» и штамп — «Москва, почтамт 9 экспедиция, 28.IX—40 года» и резолюция красными чернилами на русском языке: «Уч. установить лагерь и направить для вручения. 15.XI—40 г.» (подпись неразборчива).

2. На трупе № 4:

Почтовая открытка, заказная № 0112 из Тарнополя с почтовым штемпелем «Тарнополь 12.XI—40 г.»

Рукописный текст и адрес обесцвечены.

3. На трупе № 101:

Квитанция № 10293 от 19.XII—1939 г., выданная Козельским лагерем о приёме от Левандовского Эдуарда Адамовича золотых часов. На обороте квитанции имеется запись от 14 марта 1941 г. о продаже этих часов Ювелирторгу.

4. На трупе № 46:

Квитанция (№ неразборчив), выданная 16.XII—1939 г. Старобельским лагерем о приёме от Арашкевича Владимира Рудольфовича золотых часов. На обороте квитанции имеется отметка от 25 марта 1941 г. о том, что часы проданы Ювелирторгу.

5. На трупе № 71:

Бумажная иконка с изображением Христа, обнаруженная между 144 и 145 страницами католического молитвенника. На обороте иконки имеется надпись, из которой разборчива подпись — «Ядвиня» и дата «4 апреля 1941 г.»

6. На трупе № 46:

Квитанция от 6 апреля 1941 г., выданная лагерем № 1-ОН о приёме от Арашкевича денег в сумме 225 рублей.

7. На том же трупе № 46:

Квитанция от 5 мая 1941 г., выданная лагерем № 1-ОН о приёме от Арашкевича денег в сумме 102 рубля.

8. На трупе № 101:

Квитанция от 18 мая 1941 г., выданная лагерем № 1-ОН о приёме от Левандовского Э. денег в сумме 175 рублей.

9. На трупе № 53:

Неотправленная почтовая открытка на польском языке в адрес: Варшава, Багателя 15 кв. 47 Ирене Кучинской. Датирована 20 июня 1941 г. Отправитель Станислав Кучинский.

ОБЩИЕ ВЫВОДЫ

Из всех материалов, находящихся в распоряжении Специальной Комиссии, а именно — показаний свыше 100 опрошенных ею свидетелей, данных судебно-медицинской экспертизы, документов и вещественных доказательств, извлечённых из могил Катинского леса, с неопровержимой ясностью вытекают нижеследующие выводы:

1. Военнопленные поляки, находившиеся в трёх лагерях западнее Смоленска и занятые на дорожно-строительных работах до начала войны, оставались там и после вторжения немецких оккупантов в Смоленск до сентября 1941 г. включительно;

2. В Катинском лесу осенью 1941 г. производились немецкими оккупационными властями массовые расстрелы польских военнопленных из вышеуказанных лагерей;

3. Массовые расстрелы польских военнопленных в Катинском лесу производило немецкое военное учреждение, скрывавшееся под условным наименованием «штаб 537 строительного батальона», во главе которого стояли обер-лейтенант Арнес и его сотрудники — обер-лейтенант Рекст, лейтенант Хотт;

4. В связи с ухудшением для Германии общей военно-политической обстановки к началу 1943 г. немецкие оккупационные власти в провокационных целях приняли ряд мер к тому, чтобы приписать свои собственные злодеяния органам советской власти в расчёте посорить русских с поляками;

5. В этих целях:

а) немецко-фашистские захватчики, путём уговоров, попыток подкупа, угроз и варварских истязаний, старались найти «свидетелей» из числа советских граждан, от которых добывались ложные показания о том,

что военнопленные поляки якобы были расстреляны органами советской власти весной 1940 г.;

б) немецкие оккупационные власти весной 1943 г. свозили из других мест трупы расстрелянных ими военнопленных поляков и складывали их в разрытые могилы Катынского леса с расчётом скрыть следы своих собственных злодеяний и увеличить число «жертв большевистских зверств» в Катынском лесу;

в) готовясь к своей провокации, немецкие оккупационные власти для работ по разрытию могил в Катынском лесу, извлечению оттуда изобличающих их документов и вещественных доказательств использовали до 500 русских военнопленных, которые по выполнении этой работы были немцами расстреляны.

6. Данными судебно-медицинской экспертизы с несомненностью устанавливаются:

а) время расстрела — осень 1941 г.;

б) применение немецкими палачами при расстреле польских военнопленных того же способа пистолетного выстрела в затылок, который применялся ими при массовых убийствах советских граждан в других городах, в частности, в Орле, Воронеже, Краснодаре и в том же Смоленске.

7. Выводы из свидетельских показаний и судебно-медицинской экспертизы о расстреле немцами военнопленных поляков осенью 1941 г. полностью подтверждаются вещественными доказательствами и документами, извлечёнными из катынских могил;

8. Расстреливая польских военнопленных в Катынском лесу, немецко-фашистские захватчики последовательно осуществляли свою политику физического уничтожения славянских народов.

Председатель Специальной Комиссии, член Чрезвычайной Государственной Комиссии, академик Н. Н. БУРДЕНКО,

57
Ч Л Е Н Ы: Член Чрезвычайной Государственной Комиссии, академик Алексей ТОЛСТОЙ.

Член Чрезвычайной Государственной Комиссии —
Митрополит НИКОЛАЙ.

Председатель Всеславянского Комитета
генерал-лейтенант А. С. ГУНДОРОВ.

Председатель Исполкома Союза Обществ «Красного
Креста» и «Красного Полумесяца»
С. А. КОЛЕСНИКОВ.

Народный Комиссар Просвещения РСФСР, академик
В. П. ПОТЕМКИН.

Начальник Главного Военно-Санитарного Управления
Красной Армии, генерал-полковник
Е. И. СМЕРНОВ.

Председатель Смоленского облисполкома
Р. Е. МЕЛЬНИКОВ.

24 января 1944 года, гор. Смоленск.

СОДЕРЖАНИЕ

СООБЩЕНИЕ СПЕЦИАЛЬНОЙ КОМИССИИ ПО УСТАНОВЛЕНИЮ И РАССЛЕДОВАНИЮ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ РАССТРЕЛА НЕМЕЦ- КО-ФАШИСТСКИМИ ЗАХВАТЧИКАМИ В КАТЫНСКОМ ЛЕСУ ВОЕННОПЛЕННЫХ ПОЛЬСКИХ ОФИЦЕРОВ	3
Катынский лес	5
Военнопленные поляки в районе Смоленска	6
Облавы на польских военнопленных	9
Расстрелы военнопленных поляков	10
Возникновение немецкой провокации	20
Обработка катынских могил	33
«Экскурсии» на катынские могилы	40
Попытки немцев замести следы своих злодеяний	42
Акт судебно-медицинской экспертизы	44
Заключение	45
Документы, найденные на трупах	51
Общие выводы	53

Подписано в печать 25 февраля 1944 г.
 А4631. Объём 3½ печ. л. Тираж 25.000 экз. Цена 30 коп. Зак 255.

Типогр. газеты «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.

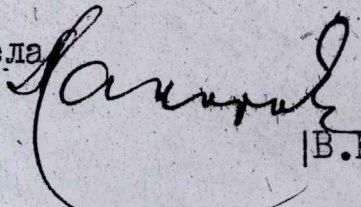
П Е Р Е Ч Е Н Ь

=====

материалов, которые могут быть использованы для работы над книгой "Трагедия в Катынском лесу".

№№: пп:	Наименование	Где хранится.
1.	Материалы Специальной Комиссии 8 книг.	Спецотдел Чрезвычайной Государственной Комиссии.
2.	Отклики иностранных газет.	ТАСС т.Пальгунов.
3.	Дневники, записи, фото и другие немецкие документы.	7 Отд.ПУР т.Гере.
4.	Фото наших военных корреспондентов.	Союзфото т.Серебряников "Фронтная иллюстрация" из-ва "Правда".
5.	Материалы, собранные работниками Чрезвычайной Государственной Комиссии.	Архив Чрезвычайной Государственной Комиссии.
6.	Материалы архива Красной Армии.	Гл.Управление архива НКВД через т.Иллерицкую или т.Никитинского.
7.	Материалы Государственной Следственной Комиссии в войну 1914-1917 г.г.	Секретариат Чрезвычайной Государственной Комиссии т.Молчанова.

Начальник отдела

|В.Макаров|.

НАИМЕНОВАНИЕ АВТОМАТИЧЕСКИХ ПИСТОЛЕТОВ.

№№ пп	С и с т е м а	Калибр в мм.	Страна	И с т о ч н и к.
1	2	3	4	5
1.	"Вис"	9	Польша	Н.Т.О. Г.У.М.
2.	"Парабеллум" 1908г.	9	Германия	Книга "Стрелковое вооружение германской армии". Издание глав- ного расследователь- ного Управления. 1942 года.
3.	"Маузер" 1918г.	7,63	"	"
4.	"Вальтер" 1938-40г.	9	"	"
5.	"Парабеллум", 1900г.	7,65	"	Книга: "Эволюция стрел- кового оружия" Фёдо- ров. Издан. 1939 г.
6.	"Дрейне"	7,65	"	"
7.	"Маузер"	7,65	"	"
8.	"Бергман"	7,65	"	"
9.	"Ортгиз"	9	"	Атлас: Метгер. Берлин
10.	"Манн"	9	"	"
11.	"Ортгиз"	7,65	"	"
12.	"Д.В.М."	7,65	"	"
13.	"Манн"	7,65	"	"
14.	"Вальтер"	7,65	"	"
15.	"Лангехан"	7,65	"	"
16.	"Иегер"	7,65	"	"
17.	"Рейнметалл"	7,65	"	"
18.	"Нордхейм"	7,65	"	"
19.	"Дауер"	7,65	"	"
20.	"Маузер"	6,35	"	"
21.	"Вальтер"	6,35	"	"
22.	"Дауер"	6,35	"	"
23.	"Шмейссер"	6,35	"	"
24.	"Симсон"	6,35	"	"
25.	"Ортгиз"	6,35	"	"
26.	"Дрейзе"	6,35	"	"
27.	"Коммер"	6,35	"	"
28.	"Менц"	6,35	"	"
29.	"Лангехан"	6,35	"	"
30.	"Манн"	6,35	"	"
31.	"Штерн"	6,35	"	"
32.	"Хейм"	6,35	"	"
33.	"Фроммер"	9	Венгрия	"

1	2	3	4	5
34. "Браунинг"	9	Бельгия	Атлас: Метгер. Берлин.	
35. "Маузер" Н.	9	Чехосло-	" - "	" - "
36. "Штерн-Золотурн"	7,65	вакия. Австрия	" - "	" - "
37. "Фроммер"	7,65	Венгрия	" - "	" - "
38. "Фруст"	7,65	Франция	" - "	" - "
39. "Браунинг"	7,65	Бельгия	" - "	" - "
40. "Фифер"	7,65	" - "	" - "	" - "
41. "Клемент"	7,65	" - "	" - "	" - "
42. "Мануфактур"	7,65	" - "	" - "	" - "
43. "Фроммер"	6,35	Венгрия	" - "	" - "
44. "Прага"	6,35	Чехосло-	" - "	" - "
45. "Штейер"	6,35	вакия Австрия	" - "	" - "
46. "Браунинг"	6,35	Бельгия	" - "	" - "
47. "Клемент"	6,35	" - "	" - "	" - "
48. "Фифер"	6,35	" - "	" - "	" - "
49. "М.В.А."	6,35	Франция	" - "	" - "
50. "Либия"	6,35	" - "	" - "	" - "
51. "Волоньяль"	6,35	" - "	" - "	" - "
52. "Фринцеп"	6,35	" - "	" - "	" - "
53. "Минерв"	6,35	" - "	" - "	" - "
54. "Манлихер"	7,65	Австрия	Федоров: Эволюция стрелкового оружия. Издание 1939 г.	
55. "Рот-Штеер"	8	" - "	" - "	" - "
56. "Рота" 1900	8	" - "	Марсель. Девуш. совре- менного оружия. Издание 1927 г.	
57. "Фроммер" 1905	8	Венгрия	" - "	" - "

Передал - Косов.

Принял - Л.Зарубин.

21.1-1943 г.

61

М. Макарову

Надо ехать в срок
госпланованный ^{т.е.}
швейцарском.

Многоуважаемый

товарищ!

Ивану

27 III 1944 г.

Очень прошу, если возможно,
включить в наряд

Брошюстная симония 200-300,0.

Поташа 5 килограмм.

Едкого натра 100 грамм.

В отношении Винниця; на поездку
туда я принципиально согласен, но не
в отношении порядка, а вместе с судей-
скими экспертами, и мы сейчас (я очень
плохо себя чувствую), а по порам - в конце
апреля или начале мая.

С приветом

А. Смирнов

24/III 1944.

Глубокоуважаемый Николай Михайлович !

Согласно Вашему указанию о желательности издать книгу о Катынском деле, предварительную аннотацию содержания которой Вы имеет, - я приступил к сбору материала . Позавчера по этому поводу я имел случай говорить с А.Я.Вышинским. Он чрезвычайно заинтересовался этим делом и предлагает не только свое содействие, но сотрудничество в форме отдела нарушения международного права.

Прошу Вашего указания по этому поводу. -

С искренним уважением

Н. Н. Бурденко

(Акад. Н. Н. Бурденко)

21. III - 44

А К Т.

1943 года, ноября 29 дня.

г.Кременчуг.

Мы, нижеподписавшиеся, комиссия в составе председателя комиссии 1-го секретаря Горкома партии БУРАУ Валентина Ивановича, членов: председателя горсовета, депутата Верховного Совета СССР БУДНЕГО Александра Андреевича, начальника Горотдела НКГБ подполковника Госбезопасности РА-ЗУМОВА Виктора Алексеевича, начальника горотдела НКВД капитана Госбезопасности ШИШЛОВА Федора Емельяновича, зав.здрав-отделом ШЕРБАКА Кузьмы Артемовича, врача горбольницы ЖВАНИЯ Тараса Константиновича, благочинного отца Стефания КРЕМЯНСКОГО, редактора городской газеты ЗАЙЧЕНКО Павла Ефимовича, и.о. военного прокурора Кременчугского гарнизона гвардии капита-на юстиции КАРЕВА Сергея Алексеевича и представителя Чрез-вычайной Государственной Комиссии ЛУПОВА Петра Лупповича, - составили настоящий акт о чинимых злодеяниях немецко-фашист-ских захватчиков и их сообщников в период временной оккупа-ции с 9-го сентября 1941 года по 29 сентября 1943 года гор. Кременчуга.

С первых дней оккупации г.Кременчуга немецко-фашист-ские захватчики и их сообщники сразу же путем своих мето-дов немецкой жестокости приступили к массовому истреблению советских людей, находящихся на территории г.Кременчуга. Они сотнями начали сажать в тюрьмы советских граждан, где бес-предельно над ними издевались, а затем без суда и следствия расстреливали их. Особенно тяжелая участь постигла еврейское население города и советских военнопленных, содержащихся в лагерях.

ПЫТКИ И МАССОВЫЕ РАССТРЕЛЫ СОВЕТСКИХ
ВОЕННОПЛЕННЫХ.

В начале второй половины сентября 1941 года в военные казармы г.Кременчуга, где до оккупации размещался 12-й батальон и 7-я батарея советских войск, стали прибывать советские военнопленные. Немецкое командование организовало в этих местах лагеря для военнопленных. Данная территория была обнесена в несколько рядов колючей проволокой, на углах и в больших прогонах были установлены вышки для охраны лагерей. Лагеря помещали в себе одновременно до 20000 военнопленных.

Казармы, которые были на территории лагерей, не могли полностью вместить весь состав военнопленных, поэтому большинство из них размещались под открытым небом, несмотря на суровые осенние холода, а затем зимние морозы. Внутренняя территория лагерей была разбита на 10 блоков, каждый из этих блоков был обнесен колючей проволокой, куда немцы размещали по несколько человек военнопленных, тех, которые не помещались в казармы.

Лагерь, размещенный на территории 12-го батальона назывался лагерем А, лагерь на территории 7-й батареи назывался лагерем Б. Кроме этого, был еще один лагерь на Зеркальной фабрике, где немцы размещали военнопленных, которые подвергались тяжелым физическим работам по постройке деревянного моста через р.Днепр.

Показаниями бывших военнопленных т.Жвания Тараса Константиновича, Цимбалиста Ивана Васильевича, Харидзе Василия Григорьевича, Лысенко Н.О. Живолупа Якова Григорьевича

ча и других установлено, что во всех вышепоименованных лагерях гитлеровцы занимались сознательно истреблением военнопленных.

Питание военнопленных не обеспечивало даже голодного существования, а вновь прибывающих в лагерь военнопленных совершенно не кормили по нескольку дней, тем самым сознательно доводили до полного истощения.

тов.Цимбалист в своем показании рассказал. "Кормили нас молотой гречневой мукой вместе с кожурой, эту муку клали в котел и наливали водой, иногда кипятили, а иногда давали не кипяченой. Такой бурды, которую пленные называли баландой, давали поллитра в сутки. После этой баланды дней пять кожура скоплялась в желудке и образовывала пробка, человек не мог оправляться, к тому же не помогали ни слабительное, ни клизма. Так, промучившись несколько дней, люди умирали. Давали пищу и прокислую, что вызывало сильный понос, вплоть до кровавого, отчего также многие погибали. Так нас кормили в лагерях с октября по ноябрь, а после этого стали давать поллитра баланды из горелой ржи. Эта масса представляла из себя вид мазута. Впоследствии стали давать хлеб около 150-200гр."

В результате недоедания, на почве истощения в лагерях свирепствовал тиф, дизентерия и другие инфекционные заболевания. Смертность от истощения и эпидемических болезней доходила ежедневно в течение октября и декабря 1941 года и зимы 1942 года до 300 человек. Кроме этого, в лагерях ежедневно гибли десятки людей от пыток, истязаний, избиений и других форм издевательств.

Пытки и истязания в лагерях принимали трудно вообразимый характер. Им не было конца. Вот что рассказы-

вают об этом бывшие военнопленные ЖИВОЛУП Яков Григорьевич и ЖВАНИЯ Тарас Константинович.

"Примерно в декабре 1941 года главный врач лагеря военнопленных немец Орлянд при большом морозе выстроил на воле до 30-ти человек военнопленных, в том числе 21 человека квалифицированных врачей, большинство из них еврейской национальности:

- 1/ доцент Киевского медицинского института ТУРАВЕЦ,
- 2/ доцент из г. Таганрога КРЕЙНИС Владимир Яковлевич,
- 3/ детский врач из г. Баку ФОРШТЕЙН Михаил,
- 4/ врач-хирург ОКСЕНГЕНГЕР из г. Николаева,
- 5/ детский врач из г. Киева МИССЕЛЬМАХЕР,
- 6/ врач-терапевт из г. Одессы МАЛЦОВСКИЙ,
- 7/ врач-терапевт из г. Киева ТУЧИНСКИЙ,
- 8/ врач-терапевт ЯКУБОВСКИЙ,
- 9/ врач-терапевт ДМИТРИЕВ из г. Воронежа,
- 10/ врач-хирург ГОЛЬБЕР,
- 11/ врач-терапевт из Одессы КОТМАН,

12/ фельдшер из Тбилиси ЦИЦИШВИЛЕ Коча и друг. фамилии которых не помню, всех их раздели до нижнего белья, а затем заставили копать яму. После того, как яма была вырыта, Орлянд приказал напустить в нее из уборной нечистот, когда это было сделано, то Орлянд в эту яму загнал свои жертвы и обязал их в нечистотах выкупаться, а после приказал полицейским использовать всех на очистке уборной, что и было сделано. Вскоре Орлянд приказал вновь выстроить этих военнопленных во дворе. Когда это было сделано, то он дал команду расстрелять.

Дальше тов. ЖВАНИЯ рассказал, что в феврале 1942г. этот же лагерный врач Орлянд вызвал к себе в кабинет врача из числа военнопленных по фамилии БУЛОЧНИК, где избил

его, при этом вывернул конечности на руках и выколол глаза пером, переломил бедровую кость, а потом солдатам приказал расстрелять. После этого Булочника вытащили из кабинета Орлянда искалеченного и на глазах у всех военнопленных расстреляли, в том числе расстреляли еще 14 врачей военнопленных. При расстреле присутствовал немецкий врач Шульке.

Цимбалист, Иван Васильевич, как бывший военнопленный, в своем показании сообщил:

"Примерно в марте м-це 1942 года к нам в лагерь "Б" из с.Еремеевка Градизского района привезли человек 70-80 раненых военнопленных, в том числе были командиры, подполковники, капитаны и лейтенанты и 2 доцента -ПОРТНОВ из Ростовского мединститута и ГЕККЕР - доцент профессора ФИЛАТОВА. Оба товарища, как врачи являлись высокой квалификации, но и это их не спасло. Через несколько дней все они были расстреляны и свалены в общую яму за складским помещением лагеря. Всего командного состава было 13 человек, я лично видел из окна госпиталя, как их раздевали во дворе и гнали к месту расстрела. На расстреле присутствовали немецкие врачи Шульке, Брюк и Орлянд. Обреченных на смерть подвели в яме, двое держали за руки, а третий стрелял в затылок из револьвера".

АННОТАЦИЯ

К Н И Г И

" КАКОВА ИДЕОЛОГИЯ ГИТЛЕРА И НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКОГО
КОМАНДОВАНИЯ ОБ УНИЧТОЖЕНИИ НАРОДОВ В ИСТОРИ-
ЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ."

1. Психология садизма.

1. Конкретные мероприятия немецко-фашистских захватчиков в этом отношении в исторической перспективе и в отечественную войну.
2. Массовая гибель советских военнопленных в немецких концлагерях и тюрьмах.
3. Включение в число военнопленных советского гражданского населения захваченных районов.
4. Формы массового истребления
  - а| лишение минимума средств физиологического состояния
Холод
голод
физические мучения
моральная травма
  - б| убийства.
5. Обслуживание немецкими врачами медицинской помощью раненых и выяснение причин смерти этих раненых.
6. Методы убийства
  - а| массовые
сбрасывание в шахты
сожжение
расстрелы
душегубки
отравление ядами
  - б| индивидуальные.
7. Описание метода индивидуальных убийств
  - а| свидетельские показания
  - б| фотографии, найденные у немцев |например фото - помещенные в газете " Красная звезда" в сентябре 1943 г. |.

в| дневники и другие документы, найденные у немцев, характеризующие описание метода убийств.

г| материалы расследования в Орле, Смоленске, Воронеже и друг.

II. Трагедия в Катынском лесу.

1. Убийство польских офицеров, как исполнение программы Гитлера массового истребления славянских народов.
2. Преступление немцев в осенние месяцы 1941 г. как исторический факт.
3. Мошенническая комбинация немцев весной 1943 г. и вероятные причины этого.
4. Описание истории с демонстрацией немцами катынских могил населению; посещение катынских могил делегацией польских профашистских кругов.
5. Лже-свидетели и организация чудовищной подготовки показаний лжесвидетелей.
6. Расследование, произведенное специальной комиссией Советского правительства

а| создание специальной комиссии

б| организация работ комиссии

Сбор свидетельских показаний,
опрос лже-свидетелей
Раскрытие могил и исследование трупов
польских офицеров и осмотр вещественных
доказательств.

7. Порядок исследования трупов польских офицеров

а	констатирование	причины смерти
б	"-	способа умерщвления
в	"-	времени умерщвления

8. Результаты обследования ран черепов - катынских, орловских, смоленских и воронежских.
9. Установление применения немецкой системы при расстреле польских офицеров в Катыни.

III. В Н В О Д Ы .

УТВЕРЖДАЮ

" " .....1944 г.

П Л А Н

работы по исследованию и установлению
метода расстрела немецко-фашистскими
захватчиками советских граждан.

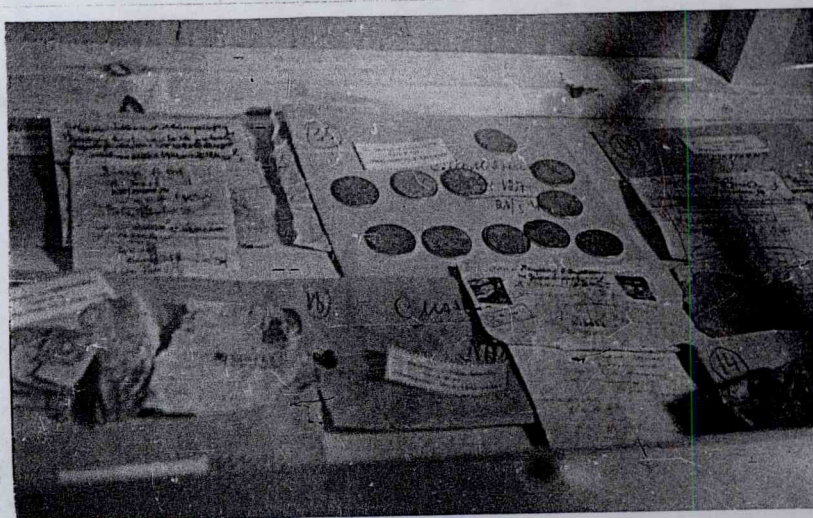
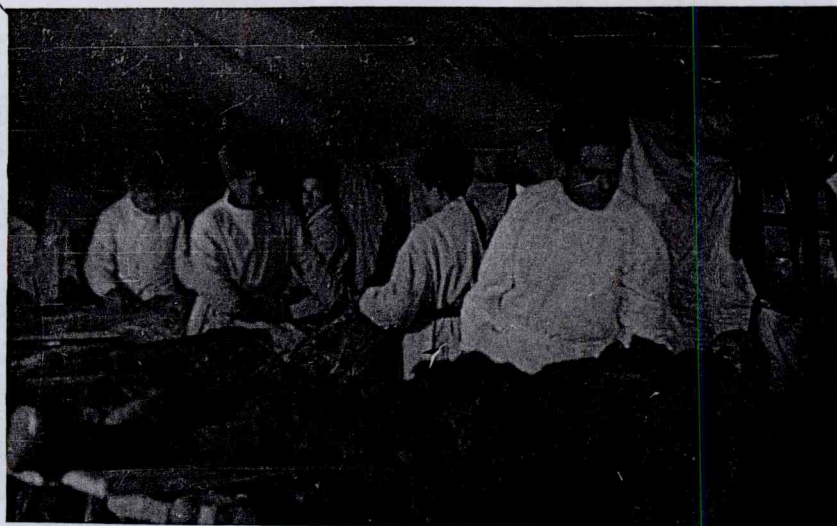
№ № п/п.	Наименование работ	Исполни- тель	Срок исполн.	Примеча- ние.
I.	Написать письма председа- телям областных комис- сий содействия :			
а	о том, чтобы своевремен- но извещали Чрезвычайную Государственную Комиссию о предстоящих вскрытиях могил расстрелянных со- ветских граждан;			
б	об извещении Чрезвычай- ной Государственной Ко- миссии о результатах вскрытия трупов	т.Макаров		
2.	Разработать инструкцию о порядке производства обследования могил и вскрытия трупов и разра- ботка форм документов [актов описей и т.д.] ко- торыми должны оформлять- ся раскопки	академик Бурденко Н.Н. и Макаров.		
3.	Указание Главному Воен- но-Санитарному Управле- нию об участии военных судебных врачей и пата- лого-анатомов в раскоп- ках могил и исследования трупов расстрелянных со- ветских граждан.	Редакция ака- демика Бурденко Н.Н.		
4.	Сбор материалов [фото, дневники, газеты, журна- лы, акты и т.д.] подтвер- ждающих немецкий метод расстрела:			

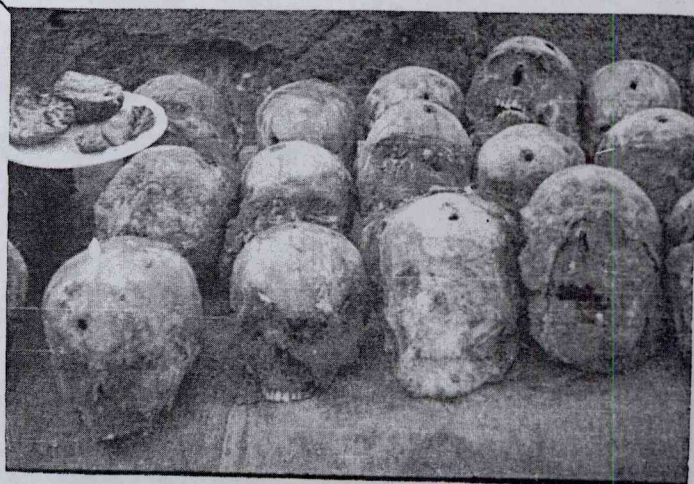
- а| Инструктаж инспекторско-
го аппарата Комиссии Академик
Бурденко
- б| Письмо Председателям об-
ластных комиссий содейст-
вия работе о сборе на ме-
стах материала, подтверж-
дающего немецкий метод
расстрела Макаров
5. Производство раскопок мо-
гил и исследование трупов
в Орловке у Воронежа, где
немцами были расстреляны
700 психических больных Сотрудник
Нейро-Хи-
рургическо-
го институ-
та профессор
Смирнов .
6. Организация раскопок и
исследования трупов рас-
стрелянных немцами совет-
ских граждан в г.г. Вин-
нице, Херсоне, Николаеве,
Одесса Академик
Бурденко,
Макаров.
7. Систематизация и обработ-
ка собранного материала
и издание отчета о резуль-
татах работы Академик
Бурденко Н.Н.

ЧЛЕН ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
КОМИССИИ
Академик

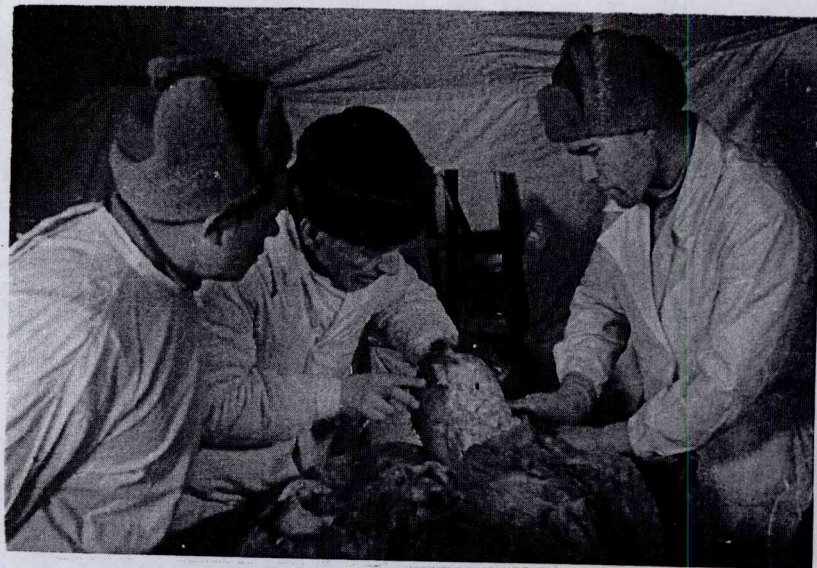

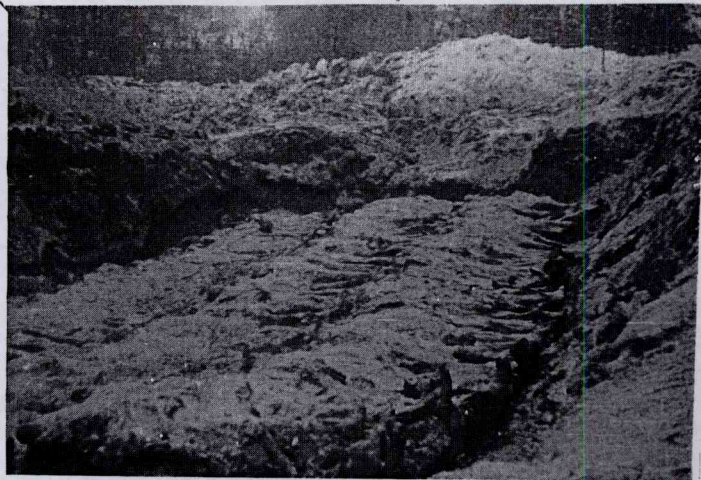

П Р О Т О К О Л

из'ятия образцов почвы на территории места погребения трупов польских военнопленных в Катинском лесу, в 14-15 километрах от города Смоленска.

23-го января 1944 года произвела из'ятие образцов почвы на территории места погребения трупов польских военнопленных в Катинском лесу, в 14-15 километрах от города Смоленска.

Из'ятие образцов почвы произведено:

а) На месте погребения трупов польских военнопленных, занимающем площадь около 60,0х60,0 метров, по раскрытии могилы на шести участках, были из'яты образцы почвы на глубине от 0,5 до 3,5 метров. Это из'ятие произведено в трех местах с помощью деревянных лопат. Каждый образец почвы был немедленно упакован в отдельный деревянный /фанеро-досчатый/ ящик, размерами 45х21х10 сантиметров - ящики № 1, 2 и 3.

б) В 50 метрах к северо-западу от указанного выше места погребения из'ят образец почвы, с различных глубин от 0,5 до 3,5 метра, с помощью деревянной лопаты. Образец почвы упакован был немедленно в деревянный /фанеро-досчатый/ ящик, размером 45х21х10 сантиметров - ящик № 4.

Все ящики /№ 1, 2, 3, 4/ обвязаны веревкой и опечатаны сургучной печатью Государственного Научно-Исследовательского Института Судебной Медицины Наркомздрава СССР.

Подписи:

ПРОТОКОЛ

из'ятия вещественных доказательств - черепов, отделенных от трупов польских военнопленных.

В период с 16-го по 23-е января 1944 года произвела из'ятие вещественных доказательств - черепов, отделанных от трупов польских военнопленных.

В качестве вещественных доказательств, удостоверяющих факт расстрела польских военнопленных, направление и расстояние выстрелов, характер и калибр оружия, примененного при расстреле, - судебно-медицинскими экспертами в процессе судебно-медицинского исследования трупов было произведено отделение 205 черепов. Эти черепа упакованы в четыре фанерных ящика, которые повязаны веревкой и опечатаны сургучной печатью Государственного Научно-Исследовательского Института Судебной Медицины Наркомздрава СССР.

П о д п и с и.

Сергей Николаевич

Очень Вас прошу помочь
мне получить пенсию у
Камкина в мою У-у
на Уд. 13

Тот

Забудьте нас Соловья
узелок казачий ах и крик
Лен

Всего в нескольких

Глубокоуважаемый Николай Михайлович !

*Работа заслуживает
внимания, следует
продолжить ее.*

Смею обратиться к Вам с просьбой: дать указание произвести вновь раскопки в Воронеже, где умерщвлены немцами тем же способом 700 чел. больных психиатрической больницы.

К этой работе необходимо привлечь специалистов патолого-анатомов, т.к. ранее раскопки производились без участия специалистов; разрешить продолжить работы по судебно-медицинскому исследованию трупов польских офицеров путем тщательных лабораторных исследований; разрешить взять несколько черепов для собираемой мною коллекции; по обработке всех черепов собрать специальное совещание врачей гор. Москвы по этому вопросу; издать специальную книгу со всеми материалами, относящимися к делу о Катынском лесу, особенно ввиду того, что немцы издали книгу в 1943 г. - и с этим приходится считаться - так как говорится о таких вопросах, которые требуется раз'яснить для иностранцев. Мы имеем возможность пролить свет на немецкие утверждения в интересах торжества истины.-

Член Чрезвычайной Государственной Комиссии
генерал-лейтенант м/сл.:

С искренним уважением
Н. Н. Бурденко
(Акад. Н. Н. БУРДЕНКО)

24/1-44

Судебно-медицинская экспертиза Катынских

МОГИЛ.

Немецким злодеям не удалось ни скрыть следов своих кровавых преступлений, ни обмануть общественное мнение своей гнусной провокацией. Научно установленные данные, содержащиеся в публикуемом ниже акте судебно-медицинской экспертизы полностью подтверждают выводы расследования Специальной Комиссии.

Акт судебно-медицинской экспертизы.

Общие выводы.

Из всех материалов, показаний свыше 100 свидетелей, документов и данных судебно-медицинской экспертизы, собранных и изученных Специальной Комиссией с неопровержимой ясностью вытекают следующие выводы:

1/ что военнопленные поляки, находившиеся в районах западнее Смоленска и занятые на дорожно-строительных работах, находились там в своих лагерях вплоть до вторжения немецких оккупантов в Смоленск, т.е. до 15-16 июля 1941 года;

2/ что военнопленные поляки оставались в указанных районах и после прихода немецких оккупантов, попали в плен к немцам и были расстреляны ими в конце августа и в сентябре 1941 года в Катынском лесу;

3/ что расстрел военнопленных поляков в Катынском лесу осенью 1941 года производило немецкое военное учреж-

дение, условно именовавшееся "штабом 517 строительно-батальона" и находившееся в бывшем доме отдыха УНКВД Смоленской области вплоть до сентября 1943 года.

Начальником этого учреждения был оберстлейтенант АРНЕС; его ближайшими сотрудниками и пособниками в кровавом деле истребления польских военнопленных, являлись немецкие офицеры - оберлейтенант РЕКСТ и лейтенант ХОТТ;

4/ что уничтожение польских военнопленных в Катынском лесу производилось вышеупомянутыми лицами по директиве из Берлина, в целях уничтожения представителей "неполноценной славянской расы";

5/ что расстреляв по распоряжению из Берлина военнопленных поляков осенью 1941 года, немецкие оккупационные власти весной 1943 года, в провокационных целях, предприняли ряд мер к тому, чтобы приписать свои собственные гнусные злодеяния органам Советской власти. Для этой цели:

а/ путем уговоров, попыток подкупа, угроз и истязаний немецкие оккупационные власти вербовали "свидетелей" из числа советских граждан, от которых требовали ложных показаний о том, что военнопленные поляки, якобы были расстреляны большевиками весной 1940 года;

б/ весной 1943 года те же немецкие оккупационные власти свозили из различных мест западнее Смоленска трупы военнопленных поляков и складывали их в разрытые могилы Катынского леса.

ОСМОТР МОГИЛ.

В апреле 1943 года немцы с целью демонстрации собрали 4 тысячи польских офицеров и захоронили в одной могиле площадью 60х60 метров и глубиной до 3-х метров. Трупы были собраны из 7-ми могил, расположенных на территории урочища "Козьи горы", как это указано в официальном немецком акте, опубликованном в 1943 году.

Могилы по велению немцев были расположены по склону покатой местности и места могил для маскировки разрытой почвы, были усажены елками. Извлеченные до 30 апреля 1943 года из семи могил трупы в числе 982 трупов были "отчасти вскрыты", причем одна из могил содержала около 2500 трупов. Эти исследования немцы считали предварительные и продолжали раскопки до 16-го июня 1943 года, когда ими были окончены все работы. Всего извлечено 4143 трупа. В 2815 случаях опознана личность.

Наши данные судебного исследования извлеченных из общей устроенной могилы трупов в количестве 800 с несомненностью устанавливают следующие факты:

1/Трупы положены правильными рядами в несколько слоев, в каждом ряду насчитывается по " " трупов, с количеством " " рядов в каждом слое.

2/Отрытые трупы лежали с вытянутыми конечностями лицом вверх.

3/Из "ятые трупы укладывались на снег и для вскрытия вносились в отепленную палатку.

4/При осмотре изъятых из могилы трупов обнаружены целыми верхняя и нижняя одежда и хорошо сохранившаяся обувь.

5/ До настоящего времени не удалось встретить следов работы немецкой экспертной комиссии профессора Буца.

6/ Трупы подвергались обработке в смысле разрезания карманов верхнего платья: мундиров, брюк, свитеров и жилеток. На платье и белье нет никаких следов медицинского осмотра.

7/Трупы, как правило, не имели связанных рук, о чем писали немцы. Показаниями установлено, что немцы веревки и шнуры снимали с рук трупов. Но в единичных случаях найдены связанные руки и материал для связывания представлял из себя тесьма или шнур германского изготовления.

8/По всем правилам судебного исследования трупы обрабатывались, т.е. проводился тщательный наружный осмотр и изъятие документов.

9/Внутренний осмотр грудной полости и живота делается почти во всех случаях.

10/Исключительное внимание обращается на явление разложения. Причем судить по макроскопическим осмотрам в некоторых случаях трудно, поэтому брались ткани покровов, мышц, перенхиматных органов для микроскопического исследования. Но уже и макроскопический осмотр дает право заключать, что изменения тканей покровов, мягких тканей и внутренних органов, костей полости и трубчатых соответствуют сроку до 2-х лет.

В подтверждение можно привести много примеров, но

имеются некоторые объекты несомненной доказательности - мозги, добытые при распилке некоторых черепов. Ткань очень легко притерпевает разложение, а найденные мозги сохранили строение коры и покровного вещества, причем сохранилась и хорошая окраска этих веществ. Микроскопическое исследование этих и других тканей производится.

Мы имели печальный опыт оценить явления разложения в массовых могилах с точной датой захоронения и точным описанием изменения трупов, которые в могилах лежали навалом и можем сравнить изменение трупов польских офицеров, и есть все основания говорить о сроках захоронения польских офицеров около 2-х лет.

Свидетельские показания врача специалиста патолога-анатома, который смотрел трупы в апреле месяце 1943 года говорят о том, что трупы нельзя считать долго лежащими в земле - свидетель на могилах оставался не несколько минут, но часа полтора.

II. Результаты вскрытий и описаний смертельных ранений.

В акте от апреля месяца так описывают характер смертельных ран: " Причиной смерти всех польских офицеров, извлеченных до сих пор из могил, является без исключения выстрел в голову. Все были убиты выстрелом в затылок, причем это были одиночные выстрелы. Только в редких случаях установлены двойные выстрелы и только в одном случае тройной. Выстрел проходит глубоко в затылок и идет

в затылочную кость. Выход по большей части находится близко от линии волос над лбом. Это больше револьверной пули калибра ниже 8-ми миллиметров.... Направление выстрела повсюду одинаковое и представляет только немного небольшие отклонения. Удивляет однообразие ранений и локализация выстрела в очень ограниченной части затылочной кости позволяет заключить, что выстрел производился умелой рукой. Установлено, что руки у многих трупов одинаковым образом связаны и в отдельных случаях обнаружено на платье и на коже следы ударов штыком.

Наши наблюдения над изъятymi трупами позволяют сделать повторное заключение - до сих пор в 800 трупах мы не находим никаких следов медицинского исследования черепо-мозговых ранений. Поэтому мы описываем нетронутый материал. У всех до сего времени исследованных трупов мы находим следующее: в единичных случаях находятся полость раны в грудь и живот. За исключением этих единичных случаев все трупы имеют огнестрельные раны черепа-мозга. На изъятых трупах находятся ранения сквозные и слепые, причем последних меньше. Раны в большинстве случаев одиночны, но есть и двойные и тройные, последние встречаются редко.

Раны имеют типичные, место входного и выходного отверстия. Входное отверстие располагалось в области затылочной кости, обычно ниже затылочного бугра. Выходное в лобно-лицевом отделе черепа. В некоторых случаях / в незначительном числе входное отверстие расположено на

своде черепа. Входное отверстие в других случаях располагалось в области затылочного отверстия. Входное отверстие имеет различный диаметр:

а/ менее 7 мм - 98

б/ от 7 до 8 мм - 325

в/ более 8 мм - 153.

Из этого надо заключить, что оружие, которым наносились смертельные ранения, было разнообразно по калибру. На могилах гражданин Кривозерцев нашел гильзы от револьверных патронов немецкого образца. Гильзы подобранные Кривозерцевым, имеют надписи фирмы и калибра такие:

одна гильза 7,62 - фирмы

другая гильза 7,65 - имеет литеры

третья гильза - калибр не указан - знак.

Гр-н Басов нашел 5 шт. стреляных гильз от револьверных патронов немецкого образца. Эти находки объясняют размеры у большинства трупов диаметра входного пулевого отверстия. Часть трупов имеет отверстие, как сказано выше, 9 мм, но гильз этого калибра до сих пор найти не удалось. Фактор важный и доказательный, он указывает на виновников расстрела.

Но немцы в изданной в 1943 году в Берлине, по поручению германского министерства иностранных дел, в брошюре под заглавием: "официальный материал, касающийся массовых убийств в Катыни", говорят, что для расстрела употреблялись пули, изготовленные на заводе Густава Геншова и К-о в Дурнале около Карлсруэ, примерно между 1922 - 1931 г.г. Но в Германии, ввиду условий Версаль-

ского договора пистолетные патроны калибра 7,65 едва ли могли найти себе сбыт. Фирма Геншова поставляла их многим странам. Например, Польше, Прибалтийским странам, а также Советскому Союзу^В довольно больших масштабах до 1928г. и в небольших масштабах после 1928 года.

Эта приведенная тирада вызывает при анализе полное недоумение. Разве немцы не имели патроны калибра 7,65 и разве они свято соблюдали Версальский договор и в частности его статьи о калибре пистолетных пуль.

Эти основания, приводимые немцами, не могут быть приняты в расчет, На кого они рассчитаны трудно сказать.

Ни один здравомыслящий человек не поверит, что немцы искренне соблюдали Версальский договор. Ни один человек не может допустить мысли, что немцы, так долго подготавливаясь к молниеносной войне, не имели оружия большой убойности.

Но кроме патронов, найдены еще марки, относительно их немцы об"яснений, повидимому, не приводят. Об"яснения немцев нельзя назвать иначе как попыткой с негодными средствами. Ясно, что немцы имели патроны, о которых неуверенно они говорят, что якобы эти патроны "едва ли могли найти сбыт в Германии", нет в этих словах полного отрицания.

Что же хотят немцы - они хотят утверждать, что они не имеют пуль калибра 7,65. На ранениях указанных советских граждан в Орловской тюрьме и Смоленской, где русских граждан расстреливали только немцы во время оккупации, имеются такие размеры входных отверстий, какие мы видим

у катынских жертв, именно: 7,6 - 7,8 и 9мм.

Ход пулевого канала и характер выходного отверстия соответствуют линии, проведенной через центр входного и выходного отверстия, т.е. при входном отверстии в области чешуи затылочной кости и в выходном ниже линии волос на поверхности. Мозг ранится в области расположения жизненно-важных подпозвоночных центров, при входном отверстии в области основания черепа

и выходном отверстии в области корня носа и ниже - ранится продолговатый мозг - вместилище жизненных центров и потом поврежден ствол мозга и система желудка.

Повреждение каждого из этих отделов смертельно.

Выходное отверстие имеет большой размер и около выходного отверстия наблюдаются трещины на кости черепа большей или меньшей протяженности и в части черепов имеются и более значительные дефекты.

Часть - одиночные случаи - имеют следы тупого повреждения - очевидно удары каким-нибудь плоским предметом. У части черепов входные раны расположены на шее или в области большого отверстия черепа. У части черепов не удалось найти входа пули /какой механизм смерти - эксперты не могли дать указаний/.

Относительно связывания рук у убитых, как выше сказано, наши исследования не дают материала в смысле массового применения. Шнуры и тесьма, как уже сказано, немецкого происхождения. К этому надо добавить следующее:

Немцы утверждают, что они нашли могилы советских граждан, расстрелянных советскими организациями и как правило эти трупы имели связанные руки. Во-первых, мы до сих пор несмотря на тщательные изыскания не нашли могил, в которых были бы трупы гражданских людей. Во - вторых, в газете "Красная Звезда" в сентябре месяце 1943 года в № _____ приводятся фотографии, взятые у убитого немца, на которых изображена казнь советских граждан со связанными руками и типичным положением головы и шеи.

*относительно Орловских
Расстрелов
СМИ напечатали*

А К Т
СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

19 августа 1943 года, по указанию представителя Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков, судебно-медицинская экспертная комиссия в составе: главного судебно-медицинского эксперта фронта, полковника м/сл. Огаркова И.Ф., главного патолога фронта, майора м/сл. профессора Биропаева Д.Н., армейского патолога, майора м/сл. доцента Константиновича Н.В., армейских судебно-медицинских экспертов: майора м/сл. Швера В.М. и капитана м/сл. Дробышевского В.А., и врача-специалиста фронтовой патолого-анатомической лаборатории, ст. лейтенанта м/сл. Дорохова И.И., произвела судебно-медицинское исследование трупов, эксгумированных из 8 траншей, расположенных в лесу-урочище "Курган", в 500 метрах от хутора "Малая гать", Орловского района, Орловской области.

Обстоятельства дела. Из показаний ряда граждан, проживавших на территории хутора "Малая гать", Орловского района, Орловской области, колхозников колхоза "Пробуждение": Лутова Григория Ефимовича, Васильева Михаила Ивановича, Лутовой Евгении Ивановны и Лутова Константина Ивановича, устанавливается, что 15 августа 1942 года немецкие палачи на двух грузовых автомашинах привезли в лес-урочище "Курган" около 70 человек мирных жителей, среди которых были дети, женщины и старики.

Привезенных партиями подвозили к старым окопам, оставшимся еще от частей Красной Армии, и расстреливали из автоматов. При расстреле были слышны плач детей и крики о пощаде.

25 или 27 августа 1942 года на автомашине были доставлены 28 человек мужчин, которые также были расстреляны и зарыты в старых окопах.

Массовые расстрелы продолжались в течение ноября и декабря 1942 года и производились одинаковым способом: жертвы партиями подводились или сталкивались в старые окопы и расстреливались очередями из автоматов. Дети иногда закапывались живыми [см. показания свидетеля Лутова Г.Е.] | так же, как и оставшиеся недобитые взрослые.

Фашистские палачи старались скрыть свои преступления от окружающего населения ; с этой целью в районе расстрела выставлялись патрули. Тем не менее, некоторые колхозники из колхоза " Пробуждение " удалось стать свидетелями и очевидцами фашистских жертв. Кроме того, факт и обстановка расстрелов подтверждается и рассказами жертв, которым удалось спастись. Так, колхозник Лутов показывает, что 6 или 8 декабря 1942 года к нему в избу на хуторе " Малая гать " была доставлена женщина , назвавшаяся жительницей ст. Отрада. Эта женщина находилась в числе подвергшихся расстрелу. Но во время выстрелов она присела на дно окопа и осталась, благодаря этому, невредимой. Вместе со всеми расстрелянными она была зарыта в окопе , но через некоторое время сумела выбраться из-под земли. Эта женщина рассказала , что после расстрела некоторые жертвы оставались еще живыми и в таком состоянии были зарыты в окопах. Это же подтверждается и показаниями некоторых колхозников, которые осматривали закопанные после расстрелов окопы. Они видели в окопах трупы расстрелянных в таком положении, которое свидетельствует, что отдельные жертвы оставались некоторое время жи-

- 3 -

выми после расстрела, сумели частично выбраться из-под насыпанной на них земли.

Объективное исследование.

В кустарнике, в 500 метрах от хутора "Малая гать", что в 5 километрах южнее города Орел, в 3 траншеях были откопаны трупы расстрелянных фашистами советских граждан. 5 траншей расположено по 3-м сторонам поляны: северной и восточной, и 3 среди мелкого кустарника восточнее поляны на 100 метров [см.приложенную схему расположения траншей.]. В 2-х траншеях восточной стороны поляны размерами: 1| 18,5х0,5 х 1,5 метра | №1| и 2| 14 х 0,5 х 1,5 метра | №2|. Трупы были навалены бесформенной грудой и в разных положениях: полусидячем, вниз головой, набок и т.п. Около женщин были дети; одна из женщин была обнаружена с прижатым к груди двухгодовалым ребенком. В этих траншеях были завалены землей на 50 см. толщиной 93 трупа преимущественно женщин.

В траншее № 3, расположенной на южной стороне поляны, длиной 35 метров, глубиной 1 метр, шириной 0,5 метра, откопаны трупы, которые были навалены по всей длине траншеи преимущественно в один ряд, местами же в два слоя и засыпаны слоем земли толщиной в 0,75 метра. Трупы в количестве 38 принадлежат к мужскому полу; из них 6 - в армейской одежде. Две траншеи на северной стороне поляны размером: 1| 12х1х0,5 метра | №4| и 2| 7,5х1х0,5 метра | №5|. Из первой откопано 11 трупов, из второй 5 трупов. Все трупы одеты в гражданскую одежду.

Три траншеи, расположенные среди кустарника [№ 6, 7, 8], имеют размеры 12х1х0,5 метра, 15х0,5х1 метр и 10х1х0,5 метра. Трупы на дне этих траншей лежат в один ряд и засыпаны слоем

земли толщиной в 1 метр. Из трех этих траншей извлечено всего 48 трупов детей, женщин и мужчин; последние - преимущественно пожилого возраста. В траншеях № 3-8 вместе с трупами были обнаружены также различные домашние вещи и предметы личного обихода [чистое белье, пуховые подушки, корзинки, котелки, кружки, ложки и т.п.]; в траншее № 3 был найден заржавленный отечественный полуавтомат без ложа.

Из 8 траншей всего было извлечено 165 трупов; из них мужских - 68, женских 81, подростков - 15 и детских - 21, 144 трупа были одеты; при этом характер одежды указывал на принадлежность расстрелянных к гражданскому, городскому населению. На части трупов найдена истлевшая меховая и ватная одежда; на большинстве же была летняя одежда. Большинство трупов, особенно женских, было без обуви. Лишь на 3 трупах были кожаные сапоги и на 2 - валеная обувь.

В 41 случае трупы оказались совершенно раздетыми. На некоторых наиболее сохранившихся трупах отмечается наличие характерных черт еврейского лица.

Все извлеченные трупы оказались в состоянии далеко зашедшего трупного гниения, с обнажением костной части ребер, костей конечностей и отделением по линии суставов костей нижней челюсти, кистей и стоп. Пальцы кистей мунифицированы. Трупы, бывшие в одежде, меньше подверглись трупному гниению. На некоторых трупах женщин хорошо сохранился подкожно-жировой слой, ставший уплотненным и несколько стекловидно-прозрачным.

При осмотре трупов в 95 случаях обнаружены огнестрельные ранения. Эти ранения по локализации распределяются следующим образом: череп - 79, шея - 15, грудь - 1. Ранения в

череп в 77 случаях были сквозными и в 2 случаях - слепыми. В большинстве случаев ранения были одиночными, в 2-х же случаях - двойными и в 1 случае - множественными | 5 входных отверстий. |

Во всех случаях, кроме двух, входные отверстия располагались в области затылочной кости, выше или ниже наружного затылочного бугра, выходные отверстия находились в лобнолицевых отделах черепа.

В 15 случаях ранений в области шеи входные отверстия были найдены в шейном отделе позвоночника | на уровне 1-4-го шейных позвонков |; выходные же - на костях черепной крышки или лицевого скелета.

В случае ранения грудной клетки входное отверстие располагалось спереди на уровне 2 ребра справа по сосковой линии, выходное же - между лопатками.

В 12 случаях на трупах, не имеющих признаков огнестрельных ранений, в мягких тканях черепа были обнаружены резко ограниченные черно-бурого цвета участки | возможные следы прижизненных кровоизлияний, в некоторых случаях при этом в костях черепной крышки обнаруживались трещины и ограниченные осколочные переломы.

В одном случае были найдены множественные переломы ребер слева.

В остальных 78 случаях ввиду резко выраженного гнилостного разложения трупов и отсутствия каких-либо признаков повреждений костного скелета причину смерти установить не представлялось возможным.

Ур 21

З а к л ю ч е н и е .

1. Трупы, обнаруженные в 3 старых траншеях в лесу-урочище "Курган", в 500 метрах от хутора "Малая гать", Орловского района, Орловской области, принадлежат лицам гражданского населения городского типа; часть трупов, особенно женщин и детей, относится к лицам еврейской национальности.

2. Гниение трупов выражено в неодинаковой степени: в одних трупах отмечается оголение от мягких тканей костного скелета, отделение частей конечностей по линии суставов; в других же трупах мягкие ткани более или менее хорошо сохранились. На основании этого можно предположить, что захоронение трупов производилось в различное время | от 7-8 месяцев и до 1 года |.

3. Описанные повреждения черепа носят характер сквозных огнестрельных пулевых ранений с входными отверстиями в области затылка, преимущественно ниже наружного затылочного бугра, изредка в области верхних шейных позвонков и выходными отверстиями в лобно-теменной области и на лице. Два ранения в затылок оказались слепыми.

7, 65
Описанные ранения являются типичными для чаще всего применяемых немцами расстрелов в затылок, что также подтверждается наличием трещин на костях черепа и расхождением отдельных черепных швов - вследствие того, что подобные расстрелы производятся с близкого расстояния или почти в упор. Повреждения причинены автоматическим оружием типа пистолета с диаметром пули около 0,8 см., 2 огнестрельные

повреждения черепа с раневыми каналами, не характерными для типичных расстрелов в затылок; могли быть причинены с не-близкого расстояния при нахождении жертв в траншее или на краю ее. Это обстоятельство подтверждает свидетельские показания о том, что расстрел носил массовый характер очередями из автоматического оружия.

4. Отмеченные в мягких тканях черепа у 12 трупов изменения по их характеру заставляющие предполагать о прижизненных кровоизлияниях, а также травматические повреждения черепа, в этих случаях дают основание заключить, что жертвы иногда оглушались каким-либо тупым предметом [например, прикладом] и, будучи еще живыми, в бессознательном состоянии ставились в траншею и заваливались трупами расстрелянных и землей. В таких случаях смерть могла наступить от асфиксии, признаки которой установить на гнилых трупах не представляется возможным.

5. Смерть расстрелянных наступала от разрушения мозга, приводившего к параличу жизненно-важных центров его. Смерть остальных жертв, на трупах которых не обнаружено ясных следов огнестрельных повреждений, надо полагать, связана с задушением, вследствие засыпания землей, возможно, после приведения в бессознательное состояние путем тупой травмы в области черепа.

Возможно, что часть граждан была умерщвлена путем огнестрельных ранений внутренних органов, без нарушения костного скелета, что, однако, невозможно доказать из-за резкого трупного гниения мягких тканей.

6. Таким образом, свидетельские показания граждан, проживающих на территории " Малая гать" , Орловского района о том, что в период с августа по декабрь 1942 года немецкими оккупационными властями производились массовые расстрелы в лесу - урочище " Курган" , привозимых на открытых автомашинах советских граждан, в числе которых были старики, женщины и дети, преимущественно еврейской национальности , - вполне подтверждаются данными судебно- медицинско- го исследования трупов и траншей, причем этим исследованием установлен в качестве причины смерти не только расстрел, но, повидимому, и засыпание в траншеях землей живыми.

Главный судебно-медицинский эксперт фронта, полковник м сл	Огарков
Главный патолог фронта, майор м сл. профессор	Виропаев
Армейский судебно-медицинский экс- перт, майор м сл.	Швер
Армейский судебно-медицинский эксперт капитан м сл.	Дробышевский
Армейский патолог, майор м сл. доцент	Константинович
Врач-специалист фронтовой патолого- анатомической лаборатории, ст. лей- тенант м сл.	Дорохов

Председателю Облисполкома
—ской области

Чрезвычайная комиссия по расследованию немецких зверств просит Вас организовать дело изучения трупов расстрелянных немцами по Вашей области.

— Для этого просит дать распоряжение:

- 1/ о разрытии могил и эксгумации трупов с изложением подробного судебно-медицинского протокола о найденном / положение трупа в могиле, и числе их, описание предметов, находящихся в могиле / патроны/, одежды, документов и вещей, найденных при трупах и в карманах их одежды.
- 2/ О тщательном судебно-медицинском вскрытии эксгумированных трупов и протоколировании данных вскрытия.
- 3/ Подробном обследовании ранений черепа с указанием точного места расположения входного и выходного отверстий / сторона, название черепной кости, расстояние от средней линии и о других опознавательных пунктов/, наличие трещины черепных костей и их направление, форма, и точные размеры в миллиметрах, и вид краев костных дефектов на входном и выходном отверстиях.
- 4/ Протоколы исследований и наиболее показательные вещественные материалы и черепа присылать в чрезвычайную комиссию по адресу: Москва, Ульяновская д.13 Аккад. Н.Н. Бурленко.

2 сентября 43г.

Народному Комиссару Иностранных Дел

товарищу МОЛОТОВУ В.М.

Глубокоуважаемый Вячеслав Михайлович!

Обращаюсь к Вам по следующему обстоятельству: в апреле месяце Вы, как Народный Комиссар Иностранных Дел, опубликовали ноту Советского Правительства о разрыве дипломатических отношений с Польским Правительством. В ноте Вы указали на ложное и провокационно возводимое на наши государственные органы обвинение в расстреле нескольких тысяч польских офицеров.

Читая сообщения немецкого правительства о расстреле в Катинском лесу польских офицеров и заключение "международной комиссии", - я тщательно изучил текст. Несмотря на широко-вещательное заглавие сообщения - "Винovníки, изобличенные судебно-медицинскими экспертами", немцы приводят довольно своеобразную аргументацию о виновности советских органов - это, главным образом, способ расстрела.

Я, в бытность мою в Орле, как член Правительственной Комиссии, раскопал почти 1000 трупов и нашел, что 200 расстрелянных советских граждан имеют те же самые

ранения, что и польские офицеры.

Достаточно тщательно сопоставить описания немецких протоколов и протоколы наших вскрытий, чтобы убедиться в тождестве способа и обнаружить "умелую руку".

Текст немецких сообщений

Причиной смерти всех польских офицеров, извлеченных до сих пор из могил, является без исключения выстрел в голову. Все были убиты выстрелом в затылок, причем это были одиночные выстрелы. Только в редких случаях установлены двойные выстрелы и только в одном случае тройной. Выстрел проходит глубоко в затылок и идет в затылочную кость. Выход по большей части находится близко от линии волос над лбом. Это, по большей части, револьверные пули калибра ниже 8 миллиметров. Трещины на черепе и сле-

---

Текст наших актов

Основной тип поражения черепа - ход пули имеет продольное направление, почти геометрически правильное, заднее переднее, с основания черепа на область лобной кости, сквозное, пулевое ранение.

Входное отверстие, в виде круглого с ровными гладкими краями отверстия, с диаметром 0,5-0,6 сант., находится вблизи наружного затылочного бугра, чаще несколько ниже его, между ним и большим затылочным отверстием.

Выходное отверстие находится в лобной области, как правило, несколько отклонившись от средней линии в ту или другую сторону, а иног-

Текст немецких сообщений

ды пороха на затылочной кости вблизи и входа пули, а также неизменно повторяющаяся локализация выстрела указывают на то, что он производился в упор или в непосредственной близости, причем направление пути выстрела повсюду одинаково и представляет только немногие небольшие отклонения. Удивительное однообразие ранений и локализация выстрела в очень ограниченной части затылочной кости позволяют заключить, что выстрел производился умелой рукой.

Текст наших актов.

да и точно на средней линии. Он, как правило, в виде более или менее крупного костного дефекта, с тем или другим числом отходящих трещин и следами краевого многооскольчатого перелома.

Это - основной тип поражения. Все осмотренные черепа представляют этот тип, с небольшими и малосущественными вариациями. Из этих последних могут быть отмечены:

1. В большинстве налицо одна пара этих отверстий. В нескольких случаях - две пары, а в одном случае - три пары. Характер всех отверстий и их локализация соответствуют типу.

2. Вариации входных отверстий незначительны. В двух случаях грубые разрушения затылочной кости и дна задней черепной ямки, с разрушением чешуи и тела затылочной кости в одном черепе, а в другой и пирамид-

Текст немецких сообщений.

Текст наших актов.

ки височной кости.

3. Вариации выходного отверстия более значительны. Они могут касаться и локализации, и формы отверстия, и числа трещин, и объема разрушенных костей.

Выходные отверстия располагаются очень часто в задней стенке глазницы, могут отклоняться к лобному бугру или в полость носа.

Лишь редко выходное отверстие в виде правильной круглой дыры с ровными краями. Чаще же эти более крупные дыры, неправильных очертаний, с неровными краями и тем или другим числом отходящих от краев отверстия трещин. В нескольких случаях это — грубые и обширные костные разрушения.

Наличие пули, рикошетом ударившей в голову уже убитого выстрелом в затылок польского офицера и только поверхностно вдавившей че-

Расстрелянные, повидимому, были умерщвлены во рвах, так как у трупов найдены портфели под мышкой.

Текст немецких сообщений.

Текст наших актов.

репную коробку, дает основание заключить, что этим выстрелом был раньше убит другой офицер и что пуля при выходе из его тела проникла в труп другого, уже расстрелянного и лежащего в могиле. Этот факт позволяет предположить, что расстрелы, повидимому, происходили уже в могилах, чтобы избежать переноски тел.

Трупы лежат почти все ничком, тесно друг к другу и один на другом. С боков ряды ясно различаются, в середине трупы лежат более беспорядочно. Ноги почти у всех вытянуты. Повидимому, имеется налицо определенный способ складывания трупов.

Трупы лежали в беспорядке, часто ничком, иногда лицом вверх. Во всех общих могилах это наблюдалось, как правило.

Осмотр черепов расстрелянных немцами показывает тождество методов убийств в Орле и в Катынском лесу. Говоря словами протокола немецких "специалистов", исследовавших трупы в Катынском лесу, - Орловские жертвы убиты "выстрелом в затылок... выстрел проходит глубоко в затылок и идет в затылочную кость, ... пуля калибра ниже 8 миллиметров.... при неизменно повторяющейся локализации выстрела, при чем направление пути выстрела повсюду одинаково и представляет лишь небольшие отклонения".

Слова и термины немецких экспертов вполне приложимы и в отношении немецких орловских жертв - "удивительное однообразие ранений и локализация выстрела в очень ограниченной части затылочной кости позволяют заключить, что выстрел производился умелой рукой".

Таким образом, установленное тождество "метода" убийств в Орле и убийств в Катынском лесу является значительным и дает несомненное доказательство, что "умелая рука" была одна и та же и обличает немцев как виновников Катынской трагедии.

В надежде скоро иметь возможность поехать в окрестности Смоленска и иметь возможность вновь вырыть трупы польских офицеров, я составил коллекцию из 25 черепов казненных немцами русских граждан для установления несомненного тождества ран и, в случае нужды, предварительно предъявить их представителям наших союзников.

Черепы в настоящее время тщательно изучаются мною

и проф. Смирновым - патолого-анатомом Нейрохирургического Института, а на месте были изучены главным судебным экспертом фронта доцентом Огарковым и главным патолого-анатомом фронта Д.Н. Воропаевым - профессором I М.М.И. совместно с их бригадами.-

Член Чрезвычайной Государственной
Комиссии по установлению и расследованию
злodeяний немецко-фашистских захватчиков:

/Акад.Н.Н. Бурденко /.